

Хоббит, или Туда и Обратно

Автор:

Джон Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

Джон Роналд Руэл Толкин

Жил-был на свете хоббит Бильбо. Если вы вдруг не знаете, то знайте: хоббиты – это такие маленькие существа, ростом с гномов, но не гномы. Бороды у них не растут, золото они не добывают и волшебством не занимаются. Зато умеют неслышно ходить и скрываться в мгновение ока, если нужно. А больше всего на свете любят обустроивать свои уютные норки, плотно обедать и вообще вести размеренную и спокойную жизнь. ...И вот как-то утром Бильбо собирался пить чай, когда к нему без приглашения заявили тринадцать гномов и волшебник Гэндальф. Пришлось нашему хоббиту забыть о своей милой норке и отправиться с ними в большой поход. Сколько всего пришлось им повидать! Тролли и дракон, эльфы и люди из Озерного города, погони, сражения, поиск сокровищ и многое-многое другое... К чему все привело и чем закончилось – вы узнаете, прочитав эту замечательную и добрую книгу. Пересказ Леонида Яхнина. Рисунки Ольги Ионайтис.

Джон Рональд Руэл Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

© The J. R. R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997

© Л. Яхнин, пересказ

© О. Ионайтис, иллюстрации

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Здравствуйте, не ждали!

Хоббит жил себе поживал в норе под землей. Только не подумайте, что это была затхлая, сырая и грязная дыра со скользкими стенками, источенными вдоль и поперек дождевыми червями. Впрочем, не похожа она и на те норы, где, может быть, и сухо, и чисто, зато негде присесть и нечего поесть. Хоббичья нора – особенная. Жить в ней удобно и приятно.

Вход в нору начинался с круглой, наподобие корабельного иллюминатора, зеленой дверцы. Стоило повернуть медную, начищенную до блеска ручку, слегка толкнуть дверцу, и вы оказывались в коридоре, напоминающем туннель. Но не тот дымный, наполненный горькой гарью паровозный туннель, а чистенький и уютный. Стены аккуратно обшиты гладкими досками, кафельный пол устлан коврами, и повсюду расставлены удобные скамеечки. А уж крючков для шляп да котелков, вешалок и гвоздиков для всяческих вещей – шуб и плащей – видимо-невидимо. Ведь хоббит славился гостеприимством. А коридор тянулся все дальше и глубже, но не вгрызался в холм, который все в округе так попросту и называли – Холм. Вдоль всего коридора поочередно на той и другой стороне виднелось множество крохотных круглых дверец. Шлепать вверх-вниз по

лестницам хоббит не любил, а потому спальни, ванны, погреб, кладовки и кладовочки, всевозможные буфетные и гардеробные, кухни, столовые – все залы, зальцы и комнаты устроены были на одном и том же этаже по обе стороны коридора. По левую руку располагались лучшие комнаты: только в них и были проделаны круглые, углубленные в стену окошки, из которых открывался вид на ближний сад и дальние луга, спускавшиеся к реке.

Хоббит, о котором мы толкуем, был крепким, зажиточным хозяином. А звали его Бэггинс. С незапамятных времен обитали Бэггинсы в окрестностях Холма, и род их считался весьма почтенным. Не богатством снискали они уважение соседей, а тем, что жили пристойно и спокойно, ничего с ними не приключалось, да и сами они ни в какие приключения не пускались. Никого Бэггинсы не удивляли, и никто этому не удивлялся. Тем интереснее история, приключившаяся с нашим Бэггинсом. Он вдруг стал вытворять такое, чего от него и ожидать не могли. Впрочем, уважения не потерял, а, наоборот, приобрел...

Но давайте не будем спешить и забегать вперед, заглядывать в конец книги. Начнем, как водится, с начала.

Итак, матушка хоббита... Стоп! Полагаю, нам следует объясниться и объяснить: кто же такие эти хоббиты? В наше время это мало кто знает, ибо хоббиты нынче встречаются редко и к тому же избегают встреч с Большеногими, как они называют нас, людей. Хоббиты – народец совсем невысокий. Они даже ниже гномов, а человеку и вовсе по пояс. В отличие от гномов они совершенно безбородые. Да и волшебства в них ни на волос, если, конечно, не считать волшебным умение исчезнуть быстро и бесшумно, едва услышав слоновий топот Большеногих. Шумных и неуклюжих недотеп вроде нас с вами хоббиты чувствуют за милую душу. И все же при всей их притворности хоббиты несколько толстоваты и склонны отращивать брюшко. Одежду они любят яркую, предпочитая зеленые и желтые цвета. Зато башмаков не носят вовсе, потому что уже от рождения ступни у них вроде крепкой кожаной подошвы. Ноги у хоббитов мохнатые, сплошь покрытые коричневой шерсткой, а на голове шапка густых кучерявых волос. Хоббиты – добродушные парни с тонкими ловкими пальцами и улыбочными физиономиями. Смех у хоббитов переливчатый и гортанный. Особенно весело и заразительно смеются они после обеда, а уж обедать хоббиты горазды: могут и два раза в день, если, конечно, выпадет такая удача.

Вот вы и узнали немного о хоббитах. Теперь можно дальше рассказывать. Мы, как помните, толковали о хоббите, полное имя которого, кстати, Бильбо Бэггинс,

и о его матушке. А была она, между прочим, знаменитой Белладонной Тук, одной из трех дочерей Старого Тука, главы Заречных хоббитов, то есть живших За Рекой. Впрочем, Река – это громко сказано. Скорее речушка, маленькая речка, лопочущая у подножия Холма. Ходили среди хоббитов слухи, будто папа радед Тука был женат на фее. Выдумки, конечно, но что-то не совсем хоббичье все же в Туках замечали. Вдруг ни с того ни с сего кто-нибудь из туковского рода-племени пускался на поиски приключений. Этот позор старались поскорее забыть и скрыть от соседей. Чего скрывать, уважения семейству Туков это не добавляло. А род Бэггинсов, хоть и не столь богатый, всегда считался почтеннее и основательнее.

Белладонна Тук, спешу вас уверить, и не помышляла о каких-то приключениях, тем более после того, как вышла замуж за Банго Бэггинса и превратилась в благопристойную миссис Бэггинс. Банго, отец Бильбо, выстроил для нее роскошную хоббичью нору, какой не видывали ни Под Холмом, ни За Холмом, ни тем более За Рекой. В этой норе они и прожили в мире и согласии до конца своих дней. Бильбо, их единственный сын, взял от папаши солидность и основательность Бэггинсов, но где-то в самой глубине его натуры все же таилась до поры до времени некая странность, которая досталась ему в наследство от Туков. Впрочем, лет до пятидесяти Бильбо жил себе поживал, как мы уже сообщали, в доставшейся ему от родителей роскошной норе и о другой жизни не помышлял.

Все началось одним тихим, сонным утром, какие нередко выпадали в те годы, когда в мире были тишь да благодать, все вокруг цвело и зеленело, а народ хоббитов благоденствовал. Бильбо Бэггинс после сытного завтрака сидел в удобном кресле на пороге своей норы. Он привычно покуривал деревянную трубку, такую длинную, что она покоилась на коленях его мохнатых, но аккуратно причесанных ног. И надо же было случиться такому, что как раз в этот момент мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если бы вы слышали о нем хоть малость из того, чего наслышался я, а я, между прочим, и сам знаю всего лишь малую толику, то вы поверили бы в любую невероятную историю. А необыкновенные истории и необычайные приключения случались всюду, где бы он ни появлялся. Уже много лет, с тех

самых пор как умер его давний друг Старый Тук, Гэндальф не навещался в эти края, не бывал ни У Холма, ни За Рекой. Неудивительно, что нынешние взрослые хоббиты, которые в те далекие времена были малышами-хоббитятами, успели позабыть, каков он с виду.

Потому и для Бильбо в то утро Гэндальф был всего-навсего согбенным старцем в высокой островерхой синей шляпе, в просторном сером плаще и серебряном шарфе, из-под которого выпрастывалась длинная, почти до пояса, седая борода. Старец опирался на посох и медленно передвигал ноги в тяжелых черных башмаках.

- Доброе утро! - вежливо поздоровался Бильбо.

Впрочем, оно и впрямь было добрым. Светило солнышко. Травка зеленела.

Но Гэндальф взглянул на Бильбо из-под густых кустистых бровей, которых не скрывали даже большие поля шляпы, и сурово спросил:

- Что ты хотел сказать, сказав «доброе утро»? Просто пожелал мне доброго утра? Или же считаешь, что оно и для меня доброе, хотя я и словом об этом не обмолвился? Или тебе оно кажется добрым? Или, наконец, ты сам добрый этим утром?

- Все вместе, - растерянно пролепетал Бильбо. - И еще оно доброе для того, чтобы выкурить трубочку доброго табака на свежем воздухе. Если и у тебя есть трубка, присаживайся и покурим вместе. Торопиться некуда, день длинный.

Бильбо откинулся на спинку кресла, затянулся и выпустил аккуратное колечко серебристого дыма, которое поплыло по воздуху и скрылось за Холмом.

- Здорово, - хмыкнул Гэндальф. - Но сегодня в это, как ты говоришь, доброе утро у меня нет времени пускать колечки. Я ищу храбреца, который не прочь составить мне компанию в одном приключении, какое нынче я затеваю. Правда,

сыскать такого трудновато.

– Уж это точно... А в наших-то местах и подавно! Мы народ тихий, в приключениях никакого проку не видим. От них только беспокойство, неприятности, путаница да неразбериха. И обед прозевать недолго! В толк не возьму, кому они нужны, эти приключения? – Бильбо Бэггинс оттянул большими пальцами подтяжки, громко ими щелкнул и ловко выпустил еще одно колечко дыма, побольше первого. Затем развернул утреннюю газету и углубился в чтение, давая понять старику, что тот его больше не интересуется. Этот старец с его затеями хоббиту совсем не понравился, и стоило поскорее от него отделаться.

Однако старик и не думал уходить. Он стоял, опираясь на свою палку, и молча сверлил хоббита пристальным взглядом, от которого Бильбо вскоре стало совсем неуютно. Это ему очень не понравилось, и он наконец не выдержал.

– Утро доброе! – отчеканил Бильбо. – Прошу простить, но нам здесь никаких приключений не требуется. Поищите глупцов... то есть храбрецов где-нибудь За Холмом или За Рекой. – И он отвернулся, желая этим показать, что разговор окончен.

– Ого! Как же много ты умеешь сказать всего двумя словами! – усмехнулся Гэндальф. – На этот раз твое «доброе утро» означает, что мне пора убраться, иначе оно перестанет быть добрым.

– О нет-нет, уважаемый... э-ээ... не знаю, как вас по имени...

– А мне известно твое имя, мистер Бильбо Бэггинс. И ты знаешь, как меня зовут, хотя и не подозреваешь, что зовут так именно меня. Я – Гэндальф, и это имя принадлежит мне и только мне. Нечего сказать, дожил ты, старина Гэндальф! Сын Белладонны Тук небрежно кидает тебе пару слов, будто пару монет назойливому торговцу мелким товаром.

– Гэндалф, Гэндалф! Силы небесные! Это ты! Тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку волшебные алмазные запонки: они по велению хозяина сами застегивались и расстегивались. Тот, кто воскресными вечерами рассказывал нам удивительные истории о драконах, о гоблинах, о великанах, о спасенных принцессах, о вдовьих сыновьях, поймавших удачу! Тот, кто устраивал восхитительные фейерверки накануне праздника Летнего Солнцеворота! Ух и здорово это было! В небе вырастали гигантские огненные лилии, распускался львиный зев или еще какой цветок... Они цвели и полыхали до самой темноты! – Бильбо Бэггинс уже не притворялся равнодушным. Его восторженные глаза горели отблеском тех давних небесных цветов. – Силы земные! – продолжал удивляться он. – Неужто передо мной тот самый Гэндалф, по единственному слову которого доселе тихие и незаметные юноши и девушки вдруг срывались с места и отправлялись за тридевять земель в поисках приключений? Они совершали самые безумные поступки – влезали на деревья, забредали во владения эльфов, уплывали на кораблях к неведомым берегам! Было необыкновенно интересно... но... ну, я хотел сказать, необыкновенные дела ты умел творить когда-то. Прошу прощения, но я думал, что ты того... то есть отошел от дел или занялся другими делами.

– Но других дел у меня и нету, – пожал плечами волшебник. – Во всяком случае, меня радует, что ты еще не все позабыл. Помнишь мои фейерверки. Значит, ты небезнадежен. И в память о твоём дедушке Старом Туке и ради бедняжки Белладонны я, пожалуй, дам тебе то, о чем просишь.

– Прошу прощения, но я ни о чем не просил!

– Вот и второй раз! Просишь прощения. Даю тебе его. Мало того, я устрою тебе настоящее приключение. Мне это будет интересно, а тебе принесет удачу... если все кончится удачно.

– Но я не просил никаких приключений, прошу прощ... Проще говоря, ни к чему мне это. Благодарю покорно. Как-нибудь в другой раз. Утречко доброе! Не желаете ли заглянуть на чашку чая? Сейчас... Или лучше завтра? Тогда до завтра! До свидания! – С этими словами хоббит повернулся, нырнул в круглую зеленую дверь и быстро захлопнул ее, но не так резко, чтобы не показаться грубым. Все-таки волшебник – это вам не какой-нибудь торговец мелким товаром, а волшебник.

– И с чего это я пригласил его на чай? – недоуменно вопрошал Бильбо сам себя, направляясь в кладовку. Он только что позавтракал, но после таких волнений не мешало подкрепиться парой-другой коржиков и глотком чего-нибудь прохладительного.

А Гэндальф все стоял снаружи и тихо посмеивался. Потом шагнул к норе хоббита и на гладкой зеленой двери начертал острием посоха какой-то странный знак, после чего зашагал прочь. Это произошло как раз в тот момент, когда Бильбо приканчивал второй коржик и радовался, что так ловко увильнул от приключений.

На следующий день Бильбо почти позабыл о Гэндальфе. Память у него и впрямь была никудышной, и приходилось кое-что записывать в памятной книжке. К примеру: «Гэндальф. Среда. Чай». Но вчера он так переволновался, что забыл все начисто.

Только Бильбо собрался попить чаю, как громко звякнул дверной колокольчик. Тут он все и вспомнил! Как угорелый понесся хоббит на кухню, поставил на плиту чайник, вытащил еще одну чашку с блюдцем, парочку коржиков и кинулся к двери.

– Прошу прощения, что заставил ждать, – собирался уже сказать он, надеясь увидеть Гэндальфа. Но перед ним стоял не волшебник, а гном с голубой бородой, заткнутой за золотой пояс, и горящим взглядом из-под темно-зеленого капюшона. Едва дверь отворилась, гном протиснулся внутрь, будто только его и ждали.

Он отстегнул капюшон, повесил его на крючок и с низким, чуть ли не до полу поклоном произнес:

– Двалин. К вашим услугам.

– Бильбо Бэггинс. Взаимно! – пробормотал ошарашенный хоббит. Вопросов он не задавал и, само собой, не получил никакого ответа. Молчание затягивалось и, чтобы хоть что-то сказать, Бильбо ляпнул: – Я как раз собирался выпить чаю. Не составите ли мне компанию? – Это прозвучало несколько чопорно и суховато, но ведь хоббит изо всех сил старался быть приветливым. Интересно, что сказали бы вы, если бы к вам без спросу и приглашения ввалился гном да еще скинул плащ,

будто у себя дома?

Совсем скоро, не успели они приняться и за третий коржик, снова грянул дверной колокольчик.

- Прошу прощения, - извинился перед гостем хоббит и направился к двери.

«Ну наконец-то!» - намеревался он сказать припоздавшему Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. Вместо волшебника на пороге стоял совсем старый гном с белой бородой и в красном плаще с капюшоном. Он, как и первый, едва приоткрылась дверь, бесцеремонно шмыгнул в переднюю.

- Ага, наши помаленьку собираются! - сказал гном, заметив зеленый капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный и, приложив руку к груди, представился:

- Балин. К вашим услугам!

- Спасибо, - невпопад ответил Бильбо. Но его так поразило это «наши собираются», что он уж и сам не знал, что говорит. Гостей-то Бильбо любил, но только званых или, на худой конец, просто знакомых. И вдруг ему в голову ударила ужасная мысль о коржиках. Он, как гостеприимный хозяин, должен будет выложить все до единого, а самому ничего не останется!

- Прошу. Вы как раз успели к чаю, - с трудом выдавил он и тяжело вздохнул.

- Я бы предпочел кружечку пивка, если не возражаете, - сказал седобородый Балин. - Но не откажусь от коржика с тмином, коли у вас таковой найдется.

- Да сколько угодно! - И не переставая удивляться своей неожиданной щедрости, Бильбо уже мчался в погреб, чтобы нацедить кружечку пива, а потом - в кладовку за двумя отличными коржиками, которые он испек накануне и собирался съесть на ужин.

Когда он вернулся, Балин и Двалин уже как ни в чем не бывало сидели за столом и без умолку болтали по-дружески, а вернее, по-братски, ибо и на самом деле были братьями. Едва Бильбо успел поставить на стол угощение, как вновь блямкнул колокольчик. Раз и еще раз.

«Теперь-то уж точно Гэндальф!» – подумал Бильбо, поспешая к двери. Но он снова ошибся. Перед ним стояли два желтобородых гнома в синих плащах, перетянутых серебряными поясами. У каждого из них висела на плече сумка с инструментами, а в руках они держали кирки. Бильбо теперь уже не удивился, когда гномы без приглашения прошмыгнули в дверь, едва она приотворилась.

– Чем могу быть полезен, уважаемые гномы? – вежливо спросил хоббит.

– Кили. К вашим услугам, – сказал первый.

– И Фили. Наше вам! – добавил другой.

Они повесили капюшоны и коротко поклонились.

– Готов служить вам и всей вашей родне, – вспомнил наконец Бильбо правила приличия.

– Эге, Двалин и Балин уже здесь, – обрадовался Кили. – И мы тут как тут. Считай, нашего полку прибыло.

«Полк! – с ужасом стал подсчитывать Бильбо. – Что же будет, если они все соберутся? Э, дружище, соберись-ка с мыслями, хлебни чайку и успокойся».

Он скромно примостился в уголке, а четверо гномов расселись вокруг стола и принялись толковать о золотых копиях, о злодеях-гоблинах, о грабителях-драконах и о многом таком, чего он знать не знал, да и знать не желал, потому что все это пахло приключениями. Только-только Бильбо сделал успокоительный глоток чаю, как... Динь! Динь! Динь! Динь! – заметался дверной колокольчик, будто его пытался оторвать какой-то озорник.

– Еще один гость, – пролепетал Бильбо.

– Судя по звону, их четверо, – сообразил Фили. – Точно, четверо! Я видел, они шли за нами.

Бедняжка хоббит схватился за голову. Что происходит? Чего ждать и кого еще ждать? Вдруг они всем полком останутся на ужин? А колокольчик тем временем неистовствовал. Пришлось нестись к двери. Их оказалось не четверо, а ПЯТЕРО! Едва Бильбо успел повернуть ручку, как они уже один за другим просочились внутрь и, кланяясь, быстро лопотали «к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам!». Дори. Нори. Ори. Ойн. Глойн. Ну и имена! Не успел хоббит и глазом моргнуть, как два пурпурных, серый, коричневый и белый капюшоны уже висели на крючках, а гномы строем шествовали в гостиную, поблескивая золотыми и серебряными поясами и широко размахивая руками. Здесь и впрямь уже толпился и шумел чуть ли не целый полк! Кто-то требовал пивка посветлее, кому-то по вкусу было только темное, этот желал кофе, а всем вместе подавай коржиков. Хоббит с ног сбился.

На плите, не смолкая, фырчал и кипел огромный кофейник. Коржики с тмином поглощались в минуту. Гномы уже принялись за ячменные лепешки, густо намазанные маслом, когда раздался... не звонок, а громкий стук. Грохотанье, сотрясавшее чистенькую зеленую дверь хоббита. Кто-то молотил в нее палкой!

Бильбо как угорелый понесся по коридору. Задерганный, сбитый с толку, он уже ничего не соображал. Такой безумной среды ему и не припомнить. Хоббит в сердцах рывком распахнул дверь, и они, как солдатики, попадали один на другого. Еще четверо гномов! А позади них, опершись на посох, стоял улыбавшийся Гэндальф. Он так исполосовал дверь своей палкой, что исчезла даже тайная метка, которую волшебник нацарапал вчера утром.

– Поосторожнее, Бильбо, поосторожнее! – сказал Гэндальф. – Не ожидал я от тебя такого. Сначала заставляешь друзей ждать за дверью, а потом дергаешь ее так, будто хочешь сорвать с петель. Впрочем, позволь тебе представить Бифура, Бофура, Бомбура и в особенности Торина!

– К вашим услугам! – хором сказали Бифур, Бофур и Бомбур, выстроившись в затылок друг другу. Потом они один за другим, как по команде, отстегнули и повесили на крючки рядом два желтых капюшона, один бледно-зеленый и особо – небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Конечно же особенный тот капюшон принадлежал Торину. Этот почтенный гном был не кто иной, как сам великий Торин Оукеншильд. Можете представить, как он был

раздосадован, когда, только переступив порог, тут же оказался на половичке для ног под грудой попадавших на него Бифура, Бофура и Бомбура. А толстяк Бомбур, между прочим, и один мог придавить кого угодно. Высокомерный Торин был оскорблен до глубины души. Не то что вежливого «к вашим услугам», но и доброго слова не дождался бы от него Бильбо, если бы не осыпал гостя тысячей извинений и сожалений. Наконец Торин смилостивился и небрежно бросил: «Достаточно, любезный», при этом нахмурившись и важно оттопырив губу.

Гэндальф окинул быстрым взглядом все тринадцать гномьих капюшонов, висевших в ряд на крючках рядом с его шляпой, и весело проговорил:

– Ну вот все и собрались! Неплохая компания подобралась. Надеюсь, и для нас осталось что-нибудь поесть-попить? Что? Чай! Э нет, благодарим покорно. Мне бы красного вина.

– И мне, – сказал Торин.

– А мне вареньица. Малинового. И яблочный пирог, – вставил Бифур.

– А еще сладких пирожков и сыра, – поспешил добавить Бофур.

– Пирог с поросятинкой и салат, – облизнулся Бомбур.

– И коржиков... и пивка... и кофе! – закричали остальные гномы.

– И не забудь добавить дюжину яиц, дружище! – прокричал Гэндальф вдогонку хоббиту, покорно потащившемуся в кладовку. – Прихвати заодно копченую курочку и маринованных огурчиков!

– Кажется, он получше меня знает, что припасено в доме! – растерянно бормотал Бильбо. Он уже почти не сомневался, что его втравливают в самое настоящее приключение. Хоббит совсем упарился и взмок, наваливая на большие подносы бутылки, банки, ножи, вилки, стаканы, тарелки, ложки, гору всевозможной еды.

– Чтоб им лопнуть, этим ненасытным гномам! – ворчал он. – Расселись, бездельники! Нет чтобы помочь... – Бильбо осекся, увидев теснящихся в дверях кладовки Балина, Двалина, Фили и Кили. Не успел он и ахнуть, как они

подхватили подносы, приволокли в гостиную пару столиков и в мгновение ока устали их едой и питьем.

Гэндальф восседал во главе стола, а остальные тринадцать гномов теснились вокруг него. Бильбо примостился на табуретке у камелька. Аппетит у него совсем пропал, и он хмуро грыз черствый коржик. Бедняга пытался убедить себя, что ничего особенного не происходит и никакое приключение ему не грозит. А гномы пили, ели, грызли, жевали и болтали без умолку, будто только за этим и пожаловали. Наконец они насытились и отвалились от стола. Бильбо кинулся убирать пустые тарелки и опустошенные бутылки.

- Надеюсь, останетесь на ужин? - спросил он, надеясь, что они откажутся.

- Само собой! - откликнулся Торин. - И после ужина побудем. Мы здесь надолго. А пока суд да дело, попоем-попляшем. А ну, ребята, за уборку!

Сам Торин с места не сдвинулся и продолжал солидно толковать с Гэндальфом. Зато остальные двенадцать гномов мигом сгребли со столов посуду. Составив тарелки стопкой, увенчав эту горку бутылкой и балансируя свободной рукой, будто цирковые жонглеры, гномы вереницей потянулись на кухню. Хоббит семенил за ними, вскрикивая от ужаса.

- Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, пожалуйста! Я сам справлюсь! - причитал он.

Гномы будто и не слышали. Они весело запели:

Бейте стаканы! Грохайте блюда!

Ложки ломайте! Гните ножи!

Чайные чашки здорово бьются!

Об пол тарелки! Кроши и круши!

Соус разлейте! Ковров не жалеите!

Всё кувырком и вверх дном!

Пол черепками, костями усейте!

Ну-ка, об стену – бутылки с вином!

Скатерти рвите! В клочья салфетки!

Вилки втыкайте в стулья и в стол!

Под одеяло пихайте объедки!

Под простыню – закопченный котел!

Скажет спасибо гному любому

Бильбо за помощь такую по дому

На самом-то деле все было наоборот. Пока Бильбо суетился и совался под руку, гномы, напевая свою ужасную песню, ловко и быстро перемыли посуду и аккуратно расставили все по местам. Потом они всей толпой вернулись в гостиную, где Торин, закинув ноги на каминную решетку, невозмутимо покуривал трубочку. Он выпускал небывалые дымные кольца, чуть ли не с тележное колесо, и направлял их то вверх к дымоходу, то нахлобучивал на часы над камином, то катил под стол, а то и просто давал им свободно плыть к потолку. А Гэндальф, часто попыхивая своей короткой глиняной трубочкой – пых-пых-пых! – пускал колечки поменьше, и они, кружась, настигали дымные кольца Торина. Проскочив сквозь кольцо гнома и покружив по комнате, колечки волшебника послушно возвращались к нему и повисали над головой зелеными венчиками. Вскоре над Гэндальфом скопилось столько дымных колец, что они окутывали его мерцающим облаком. В колдовском свете вечерних сумерек под невесомой шапкой дыма Гэндальф выглядел таинственным и всемогущим. Бильбо стоял и замороженно наблюдал за волшебным кружением дымных колец. Он припомнил, как еще утром гордился тем, что ветер относил выпущенные им

жалкие колечки За Холм, и, покраснев, почувствовал себя мелким хвастунишкой.

– А теперь сыграем что-нибудь! – сказал Торин. – Эй, тащите свои инструменты!

Кили и Фили кинулись к своим сумкам и вынули оттуда крохотные скрипочки. Дори, Нори и Ори неожиданно извлекли из-под плащей флейты. Бомбур приволок из прихожей барабан. В руках у Бифура и Бофура возникли кларнеты, которые, оказывается, лежали вместе с посохами.

– А мы оставили свои инструменты на крыльце! – в один голос заявили Балин и Двалин.

– Прихватите заодно и мой! – крикнул им вслед Торин.

Вскоре гномы вернулись. У каждого была виола ростом с него. Вдобавок они принесли изящную золотую арфу Торина, заботливо укутанную зеленой тряпицей. Стоило Торину коснуться струн, как полилась такая нежная и сладостная мелодия, что Бильбо тут же позабыл обо всем на свете и поплыл по волнам музыки далеко-далеко от хоббичьей его норки, За Реку, За Холм, в неведомые земли, где в небе сияло сразу несколько лун.

Вечерние сумерки занавесили маленькое окошко, скрыв и склоны, и вершину Холма. Заплясали вдали крохотные огоньки апрельских светлячков. Гномы играли и играли, а тень бороды Гэндальфа скользила в медленном танце по стене.

И тьма затопила гостиную. И огонь в камине погас. И тени растаяли. А гномы все играли и играли. Внезапно один из них затянул песню. Тут же ее подхватил другой, третий... И вот уже музыка сплетается со звуками многоголосого пения. Песня, пришедшая из глубин земли, из древних, тайных жилищ, из гномьих преданий, наполнила дом Бильбо. До нас дошел лишь кусочек, отрывок этой бесконечной песни, в словах которой только чуткое ухо может угадать протяжную мелодию. Слушайте:

В тумане растаяли дальние горы.

Молчанье во мраке пещеры хранят

Закончим до ночи походные сборы
И выйдем искать заколдованный клад.

Гулы подземные небу знакомы –
Звон колокольный и дробь молотков.
Злато ковали без устали гномы,
На клад наложили заклятье веков.

Древние тайные эти владенья
Были открыты эльфам лесным.
Эльфы искусно гранили каменья
И наполняли их светом дневным.

Звезды ночные сияли в коронах.
В драконьем огне закалялись мечи.
Скользили сквозь кольца в кольчугах сплетенных
Лунные тени и солнца лучи.

В тумане растаяли дальние горы.
Молчанье во мраке пещеры хранят.
Закончим до ночи походные сборы,
Выйдем искать нам завещанный клад.

Арфы умолкли, и в мире подлунном
Эльфов напевы давно не слышны.
Рука не скользит по серебряным струнам.
Никто не тревожит лесной тишины.

Но бури и ветры стонали когда-то,
И в тучах тонули дневные лучи.
Огонь по деревьям метался крылато.
Как факелы, сосны пылали в ночи.

Дол оглашался набатным трезвоном.
Дышала тревогой кромешная тьма.
Пламя ревело свирепым драконом.
Рушились башни, пылали дома.

Горное эхо умножило громы.
Глохли от грохота недра земли.
Подземные залы покинули гномы,
Клады сокрыли и скрылись вдали.

Тают в тумане дальние горы.
Молчанье во мраке пещеры хранят.
Закончим до ночи походные сборы,
Пойдем и отыщем потерянный клад.

Гномы пели, а в сердце Бильбо рождалась любовь к чудесным вещам,
сотворенным умелыми руками этих подземных жителей. Магия их волшебных
деяний очаровывала хоббита. И в нем проснулось то давнее, что таилось на дне
души каждого потомка великого Тука, – жажда увидеть далекие поднебесные
горы, услышать глухой шум сосен и грохот водопада, проникнуть в глубокие
пещеры и притом держать в руке острый меч, а не посох странника. Бильбо
приник к окну. В темном небе низко над верхушками деревьев висели крупные

звезды. И он подумал о сверкающих во тьме пещер грудях драгоценных камней. В лесу За Рекой полыхнуло пламя. Кто-то, наверное, развел костер, но Бильбо представилось, как налетают свирепые драконы и своим огненным дыханием сжигают вокруг все живое. Он помотал головой и поспешил опять превратиться в обыкновенного обитателя усадьбы Бэг, что Под Холмом, в тихого и мирного хоббита по имени Бильбо Бэггинс.

Он встал, дрожа от страха. Может быть, сделать вид, что отправляешься за лампой, а самому юркнуть за бочки с пивом в подвале и там затаиться? И не показываться, пока гномы не уберутся из его дома? Тем временем пение кончилось, и все уставились на него сверкающими в полутьме глазами.

– Куда это ты собрался? – спросил Торин. И по тону его голоса сразу стало ясно, что гном прочитал мысли хоббита.

– За лампой. Темновато стало, – буркнул Бильбо.

– А мы любим темноту! Темные делишки творятся в темноте! – весело загалдели гномы. – До рассвета еще далеко.

– Да-да, – пролепетал Бильбо и хотел было снова опуститься на табуретку, но от смущения промахнулся и плюхнулся на каминную решетку, задев ногой кочергу и угольные щипцы, которые с грохотом покатались по полу.

– Тихо! – нахмурился Гэндальф. – Слово Торину.

И Торин заговорил:

– Гэндальф, гномы и господин Бэггинс! Мы собрались в доме нашего друга и сотоварища, этого необыкновенно храброго хоббита, да не упадет ни один волосок с его головы, ни один завиток с его ног! Поблагодарим хозяина за хлеб да соль, за вино да эль!..

Он умолк, ожидая от Бильбо ответной благодарности. Но бедняга хоббит услышал лишь, что его назвали храбрым да еще вдобавок сотоварищем. Это не сулило ничего хорошего. Ошеломленный, он стоял столбом и беззвучно шевелил губами. Повременив, Торин продолжал:

– Мы собрались, чтобы обсудить, как, куда, с чем и зачем, что, к чему и почему. Иначе говоря, наметить план действий. Ибо очень скоро, еще до рассвета, нам предстоит отправиться в долгое и далекое путешествие. Путешествие, из которого некоторые из нас, а может, и все, кроме, конечно, нашего друга и советчика, мага и волшебника Гэндальфа, назад могут и не вернуться. Но не станем унывать. Куда, зачем и почему, ведомо каждому из нас. Однако нашему уважаемому, гостеприимному хозяину господину Бэггинсу и, пожалуй, самым молодым гномам, а именно Кили и Фили, потребуются, возможно, дополнительные разъяснения...

Известно, Торин в простоте и слова не скажет. Он ведь важный и уважаемый гном. Не останови его, он готов так туманно толковать бесконечно. Но его плавную речь неожиданно оборвали. Вконец перепуганный Бильбо после слов «могут и не вернуться» уже не мог сдерживаться. Крик ужаса, пронзительный, как рев паровоза, выскочившего из туннеля, вырвался из горла хоббита. Гномы повскакивали с мест, опрокидывая столы и стулья. В сумраке гостиной зеленым огнем вспыхнул конец посоха Гэндальфа, и в мерцающем свете все увидели маленького хоббита, застышего на каминном коврике и мелко дрожавшего, как фруктовое желе. Вдруг он с непонятным воплем: «Молния убила, разрази меня гром!» – рухнул на пол. Ничего толкового гномы от него добиться так и не смогли, а потому просто подняли, положили на диван в соседней комнате, поставили рядом стакан с бодрящим питьем и вернулись к своим туманным делам.

– Нервный юноша, – спокойно проговорил Гэндальф. – Странностей у него хватает, зато это лучший из лучших, а уж в деле свиреп, как загнанный в угол дракон.

Если вы когда-нибудь видели загнанного в угол дракона, то поймете, что по отношению к хоббиту это громко сказано. Такого не скажешь даже о прапрапрадядюшке Старого Тука, хоть он при его росте и силе мог не только оседлать, но и осадить лошадь, за что и получил прозвище Ревущий Бык. Толкуют, будто он в Битве на Зеленых полях разметал полчища гоблинов с Гороховой горы, а их королю Гольфимбулу снес голову одним взмахом дубинки.

Снесенная голова пролетела по воздуху не одну сотню метров и угодила точнешенько в кроличью нору. Битва была выиграна, а с тех пор и пошла знаменитая игра в гольф.

А тем временем на диване приходил в себя изнеженный потомок грозного Ревущего Быка. Он сделал пару освежающих глотков, стараясь не шуметь, подкрался к двери и услышал, как Глойн то ли презрительно фыркнул, то ли пренебрежительно хмыкнул.

– Хм! – рассуждал гном. – Думаете, он сгодится? Гэндальф тут нам здорово расписывал, какой он, этот хоббит, свирепый. Да если он поднимет такой же крик, как сейчас, то поднимет на ноги не только дракона, но и всю его родню. Тогда уж нам несдобровать. Ха, нервный! Просто трусливый! Не будь на его двери условного знака, я бы решил, что мы обознались дверью. Мне сразу не понравился этот суетливый, пыхтящий толстячок. Он может быть кем угодно, хоть бакалейщиком, но уж никак не Мастером Отмычкой.

Тут уж Бильбо не выдержал, распахнул дверь и ворвался в гостиную. В нем разыгралась горячая кровь Туков. Да он готов обойтись без теплой постели и сытного завтрака, коли надо выказать свою свирепость! А уж слова «пыхтящий толстячок» и вовсе его раззадорили. Правда, потом не раз в нем просыпалось благоразумие Бэггинсов и тогда он здорово раскaiвался, приговаривая: «Ну и глупец же ты, Бильбо, что позволил затянуть себя в эту заварушку!»

– Прошу прощения, – сказал он, – я случайно услышал ваши слова. Не стану притворяться, будто понимаю, о чем вы тут толкуете. Какие-то отмычки, мастера – открыватели дверей... Но одно мне ясно: вы подозреваете во мне труса, ни на что не годного... – с достоинством произнес Бильбо, а уж достоинства ему было не занимать. – Но я докажу! Не знаю, о каких знаках на двери вы говорите. Я, между прочим, заново покрасил ее всего неделю назад. Так что вы и вправду ошиблись дверью. Я понял это, только взглянув на ваши странные физиономии, но решил повременить и сразу не указывать вам на дверь. Выкладывайте, что вам от меня надо, и я, может быть, соглашусь, даже если придется топтать на край света и биться насмерть с какими-нибудь влак-оборотнями в Пустынных песках. Мой прапрапрадядюшка Ревущий Бык Тук как-то...

– Да-да, конечно, но это было давно, – перебил его Глойн. – А я говорил именно о ТЕБЕ. И поверь: знак на двери есть. Как раз такой, какие издавна означали только одно: «Ночной Открыватель, Мастер Отмычка готов выполнить опасную

работу за достойное вознаграждение». Если желаешь, можешь называть себя Отличным Охотником за сокровищами. Нам все равно. Гэндальф уведомил нас, что встреча назначена в среду на пять часов, и мы обо всем договоримся за чашкой чаю.

– Был, был знак, – вмешался Гэндальф. – Я сам и начертил его. И вот почему. Вы просили найти для вас четырнадцатого, и я выбрал господина Бэггинса. Если скажете, что я ошибся и заставил вас постучаться не в ту дверь, что ж, тогда вас останется тринадцать. Несчастливое число. Идите рискуйте. Или возвращайтесь в подземные копи и продолжайте рубить уголь!

Он нахмурился и так глянул на Глойна, что тот съежился. Бильбо хотел было задать вопрос, но Гэндальф ожег его таким гневным взглядом из-под густых бровей, что хоббит поспешно захлопнул рот.

– Так-то лучше, – продолжал волшебник. – Все споры прекращаем. Я выбрал господина Бэггинса, и все тут. Сказал, что он Мастер Отмычка, значит, так оно и есть. Настанет время – он себя покажет. Вы и ведать не ведаете, чего он стоит, да и ему это пока неизвестно. Еще спасибо мне скажете за этот выбор. Если уцелеете. Бильбо, мальчик мой, засвети-ка лампу.

На столе в круге света, падавшем из-под красного абажура, Гэндальф расстелил лоскут пергамента, похожего на карту.

– Это начертил старый Трор, твой дед, Торин, – сказал он в ответ на восхищенные возгласы гномов. – Карта Горы. Видите, это Черный лес. В древних хрониках его называют еще и Лихолесье.

– А что в ней толку, в карте? – засомневался Торин. – Я и без карты назубок знаю Гору и окрестности. Отыщу и Черный лес, или как там он называется, Лихолесье, и Вересковую пустошь, где водятся драконы.

– Здесь, на Горе, как раз и нарисован дракон, – вставил Балин. – Но мы его и без карты заметим, если, конечно, доберемся туда.

– Приглядитесь повнимательнее, – сказал волшебник. – Видите тайный лаз? А эту надпись на Западном склоне? И указующий перст под надписью? В этом месте тайный проход в Нижние пещеры.

– Когда-то он, возможно, и был тайным, – пробормотал Торин, – но кто поручится, что он остался таковым и доныне? Старый Смог так давно там живет, что наверняка сумел все разнюхать.

– Может, и разнюхал, да проку ему от этого никакого.

– Это почему же?

– Потому что лаз для него слишком узок. В древних книгах сказано: «Здесь могут пройти три гнома в ряд и в полный рост». Но дракону Смогу в такую нору ни за что не протиснуться. Он и смолоду-то был толстоват, а после того как сожрал множество гномов и людей из Дейла, его и вовсе разнесло.

– А по мне так слишком широкая, – пискнул Бильбо, который сроду не видел ни драконьих нор, ни тем более самих драконов. Он здорово увлекся и совсем позабыл, что лучше бы ему помалкивать.

Дело в том, что Бильбо просто обожал всякие карты. В прихожей у него висела огромная карта Окрестностей, где красными чернилами были отмечены любимые прогулочные тропинки.

– Не возьму в толк, как можно скрыть такую громадную дверь? – удивлялся хоббит, которому и аккуратная дверца в хоббичью нору не казалась маленькой.

– О, способов много, – сказал Гэндальф. – Но как это сделали гномы, увидим, когда придем туда. Судя по карте, она крепко заперта и ловко замаскирована под склон Горы. Обычная хитрость гномов, верно?

– Верно, – поддакнул Торин.

– Да, совсем забыл, – продолжал Гэндальф, – к карте был приложен маленький ключик. Держи. – И он протянул Торину тонкий серебряный ключ с замысловатой бородкой. – Смотри не потеряй!

– У нас не пропадет, – заверил Торин. Он прицепил ключ к тонкой цепочке, висевшей у него на шее, и заправил под куртку. – Теперь все становится на свои места. Прежде-то, не разобравшись, что к чему, мы нацеливались идти на Восток и незаметно пробираться к Долгому озеру. Там нас и поджидают трудности...

– Они нас поджидают гораздо раньше. Мне ли не знать, что творится на восточных дорогах, – заметил Гэндальф.

– От озера путь лежит к Бурной реке, – невозмутимо продолжал Торин, пропустив мимо ушей замечание волшебника. – А там уж и рукой подать до развалин Дейла, того самого древнего города в долине реки у подножия Горы. Но, по правде говоря, не хотелось бы ломиться напрямик, через Главные Ворота. Река, пробив скалу у Южных отрогов Горы, скачет прямо под ними. И оттуда же, насколько помнится, вылетает на добычу дракон, если он еще не изменил своих привычек.

– Да, здесь без помощи могучего Воина или Великого Героя не пройти, – проговорил волшебник. – Но где их нынче сыщешь? Из дальних краев не дозовешься. Они только и знают что биться друг с другом. А в ближних землях героев давно уже не видно, не слышно. Мечи здесь затупились, боевые топоры годны только на то, чтобы сучья на деревьях обрубать, а щиты приспособили под люльки для младенцев или, того хуже, под крышки для кастрюль. Драконов здесь испокон века не бывало, вот и думают, будто они живут только в сказках. Потому-то, как только я вспомнил про тайный лаз на Западном склоне, замыслил Открывание с Похищением. Тут и пришло мне в голову, что без взлома или отмычки не обойтись. А лучшего мастера, то есть мистера Отмычки, чем наш малыш Бильбо Бэггинс, уверяю вас, и не сыскать. А посему не будем терять времени и обсудим наши дальнейшие действия.

– Чудесно! – снова заговорил Торин. – Вот пускай Мастер Отмычка и наставит нас на путь истинный, подскажет, что, как, куда и каким образом. – И он ехидно посмотрел на Бильбо.

– Сначала мне хотелось бы все-таки узнать, что мы задумали, – сказал хоббит, ощущая мерзкий холодок в спине и дрожь в животе. Но Туки, чья кровь текла в его жилах, не привыкли отступать, и он храбро продолжал: – Что вы там толковали о золоте, драконах и обо всем таком прочем?.. К примеру, как золото

туда попало и чье оно на самом деле... ну и так далее...

– Вот тебе раз! – воскликнул Торин. – Ты что, карты не видел? Или не слышал, о чем мы пели? Да разве не о том мы толкуем полдня?

– И все же хотелось бы подробностей и деталей, – важно надулся Бильбо. Такой вид он обычно напускал на себя, когда у него пытались подзанять денег, а сейчас желал показать этим гномам, что кое-что смыслит в деле и Гэндальф недаром остановил на нем свой выбор. – Кроме всего прочего, неплохо бы заранее знать о подстерегающих нас опасностях, о том, сколько времени займет это приключение, о расходах-доходах и обо всем остальном. – Под «остальным» Бильбо подразумевал, на какую долю клада он может рассчитывать и удастся ли вообще вернуться обратно живым.

– Ладно, слушай, – согласился Торин. – Давным-давно, во времена моего дедушки Трора, наше семейство изгнали с дальнего Севера, и оно, прихватив все свое имущество, перебралось в ту самую Гору, что нарисована на этой карте. Когда-то ее открыл мой дальний предок Трэйн Старший. Но только теперь, прибыв сюда, мои родичи принялись обживать подземные пространства: рыли шахты и прокладывали туннели, превращали пещеры в огромные залы и мастерские... а ко всему прочему, насколько я знаю, накопили немало золота и драгоценных камней. В конце концов они стали такими богатыми и знаменитыми, что деда моего провозгласили Королем Подгорных гномов. Его уважали и люди, которые пришли с Юга и стали строить свои дома вдоль Бурной реки. В долине под сенью великой Горы вырос цветущий город Дейл, и его правители частенько посылали за нашими кузнецами, щедро награждая даже не самых искусных. Отцы с радостью отдавали своих сыновей к нам в ученье и не скупилась на плату. Они расплачивались едой. Потому хлеба, мяса и вина у нас было всегда в достатке, хотя мы Под Горой не разводили садов и огородов, не сеяли и не жали. Чудесные были времена! Мы не бедствовали и часто работали просто для удовольствия. Наши умельцы делали такие волшебные игрушки, каких ныне и не увидишь. А кладовые моего деда день ото дня полнились доспехами, драгоценными камнями, кубками, золотыми украшениями. И ярмарка в Дейле славилась на весь Север.

Немудрено, что обо всем этом прознали и драконы. Они стали налетать и грабить всех без разбору – людей, эльфов, гномов. Добычу они утаскивали в свои логова и стерегли пуще собственной жизни, а живет дракон вечно, если его не убить. Зарились драконы только на золото и драгоценные камни, а на какое-нибудь медное колечко, будь оно выковано самым чудесным мастером, и внимания не обращали. Эти невежды никогда не умели отличить отменную работу от простой поделки, зато цену золота знали прекрасно. Да что с них взять, когда даже на своей броне дракон не умеет починить и чешуйки. В конце концов оказалось, что драконов стало больше, чем золота. Гномы, спасаясь от смерти, убегали на Юг, а драконы рушили опустевшие подземные города и мастерские. Все пришло в упадок.

Особенно зверствовал гнусный, алчный и свирепый дракон по имени Смог. Когда на опустошенном Севере уже нечем было поживиться, он подался на Юг. Сначала до нас донесся сильный гул, будто с Севера надвигался ураган. Неистовый ветер гнул и ломал вековые сосны на склоне Горы. Я и еще несколько гномов, по счастью, оказались в долине и видели, как на Гору налетел дракон и она от вершины до основания окуталась дымом и огнем. В Дейле вовсю гудели и трезвонили колокола, а воины хватали оружие и выскакивали на улицу. Гномы, оставшиеся в Горе, кинулись наружу, но у Главных Ворот их уже поджидал дракон. Спасти не удалось никому. Вскипевшая река вышла из берегов, и густой горячий туман окутал Дейл. Под прикрытием тумана Смог накинулся на защитников города и уничтожил всех до одного. Печальная история, но, увы, для тех дней обычная. А дракон, перебив людей, вернулся к Горе. Он протиснулся сквозь Главные Ворота и прополз по всем залам, коридорам, туннелям и подвалам, заглянул в каждый закоулок и убивал всякого, кто попадался ему на пути. Когда в Горе не осталось в живых ни одного гнома, дракон сгреб и унес все накопленные богатства. По драконьему обычаю, Смог припрятал сокровища в самой дальней пещере Горы и с тех пор, наверное, лежит на них, стережет не смыкая глаз. Прежде дракон по ночам выползал из Горы и наведывался в Дейл. Он хватал молодых девушек, уносил их к себе в пещеру и пожирал. Так продолжалось, пока город окончательно не разрушился, а жители погибли или спаслись бегством. Живет ли кто-нибудь в тех местах сегодня – не знаю. Хорошо, если хоть одна живая душа встретится нам на берегу Долгого озера.

А тогда мы, горстка уцелевших гномов, могли лишь лить слезы и, глядя из тайного убежища на пылающую Гору, проклинать разбушевавшегося дракона. И вдруг перед нами явились мои отец и дед. Одежда на них обгорела, а бороды были опалены. Они долго и мрачно молчали, а когда я спросил, как им удалось спастись, мне просто велели попридержаться язык. Мол, придет время и сам

узнаешь. Мы покинули родные места и с тех пор скитались в чужих и дальних землях, зарабатывая на жизнь чем придется. Работали подмастерьями кузнецов, добывали уголь в шахтах. Но никогда мы не забывали о сокровищах, похищенных драконом. И даже теперь, когда мы кое-что прикопили и не бедствуем (тут Торин погладил массивную золотую цепь на шее), мы не отказались от мысли вернуть свои сокровища и, если удастся, отомстить Смогу.

Частенько я размышлял о том, как же отцу и деду удалось улизнуть от дракона? И догадался, что где-то в склоне Горы была тайная дверца, о которой знали только они. Эта карта наверняка дело их рук. Только вот как и почему ею завладел Гэндальф, когда по праву она должна бы достаться мне, прямому наследнику?

– Завладел? – нахмурился волшебник. – Нет, я получил ее. Ты, конечно, помнишь, что твоего деда Трора убил в подземельях Мории гоблин по имени Азог.

– О, будь проклято это имя! – воскликнул Торин.

– А Трэйн, твой отец, – продолжал Гэндальф, – ровно сто лет назад, двадцать первого апреля, покинул свой дом, и с того дня его больше никто не видел...

– Да-да, я помню, – кивнул Торин.

– Так вот, твой отец дал мне эту карту, чтобы в свое время я вручил ее тебе. Если я не сделал этого раньше, то тут не моя вина, ибо не так просто было разыскать тебя: отдавая мне карту, отец твой был так стар, что и своего имени уже не помнил, и твоего мне не назвал. Не ворчать надо, а благодарить меня. Получай! – И Гэндальф протянул карту Торину.

– И все же странно все это, – пробормотал гном.

Бильбо тоже толком ничего не понял. Он-то тут при чем?

– Твой дед, – медленно и мрачно продолжал Гэндальф, – отправляясь в подземелья Мории, передал карту на хранение сыну, то есть твоему отцу. Но дед погиб. И тогда твой отец с картой в руках отправился по его стопам искать удачу. Множество приключений и злоключений выпало на его долю, но он так и

не сумел добраться до Горы. Зато оказался пленником Некроманта. В темнице этого черного мага я и видел твоего отца в последний раз. Как он туда попал – не знаю.

– А сам ты что делал в подземелье колдуна? – потрясенно прошептал Торин, и дрожь пробежала по телам гномов.

– Этому тебе знать не надо. Скажу одно – дело было опасным. Даже мне, Гэндальфу, едва удалось спастись. Пытался я вызволить и твоего отца, но было слишком поздно. Ум его помутился. Бедняга бредил и почти ничего не соображал. Но о карте и ключе не забыл.

– Гоблинам Мории мы давно отплатили за все, – нахмурился Торин. – Теперь пора рассчитаться и с Некромантом.

– И не думайте! Такого врага вам не одолеть, даже если соберутся все гномы Севера и Юга. Воспользуйтесь картой и ключом – вот чего ждал от тебя отец. Гора и дракон – этого лиха вам хватит с лихвой.

– Эй, послушайте! – неожиданно для себя выпалил Бильбо.

– Что, что послушать? – всполошились гномы и все разом обернулись к хоббиту.

– Послушайте, что я хочу сказать, – смутился Бильбо.

– Выкладывай, – успокоились гномы.

– Я хочу сказать, что нам следует направиться на Восток и все разведать. В Горе ведь есть тайная дверца. А драконы не все время бодрствуют. Иногда, думаю, и спят. Если незаметно подобраться к входу, посидеть подольше на пороге да хорошенько все обдумать, может, что и придет в голову. Не хочу никого обидеть, но разговоры разговорами, а ночь кончается. Как насчет того, чтобы прикорнуть до утра, а на рассвете и тронуться в путь? Я вас на дорожку накормлю отличным завтраком.

– Нас? – переспросил Торин. – Разве не ты Мастер Отмычка? Разве не тебе надо посидеть поразмыслить, прежде чем отомкнуть дверь? Разве не ты должен

первым и войти в нее? Ну а поспать да хорошенько подкрепиться перед походом мы согласны. Мне, пожалуйста, на завтрак ветчину и яичницу из шести яиц. И непременно глазунью. Чтобы желтки были целехоньки!

Тут посыпались заказы и ото всех остальных гномов. Причем никто из них даже не подумал сказать «пожалуйста», что очень задело Бильбо. Но обижаться было некогда – хоббит сбился с ног, отыскивая местечко для каждого гнома. Он укладывал их на скамейки, на диванчики, на сдвинутые стулья. Управившись с гостями, Бильбо в изнеможении плюхнулся в свою крохотную кроватку. Нет, ни за что он не станет вскакивать чуть свет, чтобы готовить завтрак для всей этой бесцеремонной оравы. А о путешествии и речи быть не может!

Уже засыпая, он слышал, как Торин, занявший лучшую комнату в доме, напевает себе под нос:

Тают в тумане дальние горы,
Молчанье во мраке пещеры хранят
Закончим до ночи походные сборы,
Пойдем и отыщем потерянный клад.

Под мелодию этой песни Бильбо уснул, и во сне одолевали его кошмары. Проснулся он поздним утром.

Глава вторая

Жареный баран

Быстро скатившись с кровати, Бильбо накинул халат и поспешил в столовую. Никого! Зато повсюду следы поспешного завтрака. В комнате был страшный кавардак, а в кухне горой громоздились невымытые горшки. Ладно бы только горшки, но перепачканными оказались все тарелки, миски, чашки и блюдца. Глядя на грязную посуду, Бильбо убедился, что вечерние гости вовсе не привиделись в дурном сне, на что бедняга очень надеялся. Но, поразмыслив, он с облегчением сообразил, что они убрались из его дома, не разбудив его. «Хоть бы спасибо сказали», – с неудовольствием подумал Бильбо. Но что-то скребло у него на душе. Вот все и кончилось, не начавшись.

– Не будь простофилей, Бильбо Бэггинс! – убеждал он сам себя. – Не хватало еще в твои годы верить во все эти сказки про драконов и прочую ерунду!

И он как ни в чем не бывало повязал фартук, развел в очаге огонь, вскипятил воду и принялся мыть посуду. Потом угостил себя вкусным завтраком на кухне и отправился в столовую. Солнце было уже высоко. В распахнутую настежь входную дверь залетал теплый весенний ветерок.

Воспоминание о неприятных ночных разговорах улетучилось, и Бильбо, весело насвистывая, собирался уже побаловать себя вторым завтраком, как вновь явился Гэндальф.

– Дружок, – ласково проговорил он, – что же ты мешкаешь? Не ты ли грозился встать пораньше? Вместо этого только принимаешься за еду? Какой это завтрак? Второй, третий?.. А уже, между прочим, половина одиннадцатого! Они больше ждать не могли и оставили тебе записку.

– Какую такую записку? – спросил бедняга упавшим голосом.

– Ну и ну! – изумился Гэндальф. – Да ты, дружище, нынче сам не свой. Неужто даже пыль на каминной полке не вытирал?

– При чем здесь камин? Я еле управился с мытьем посуды! Можно подумать, что здесь было не четырнадцать гостей, а целый полк!

– Если бы ты вытер пыль с каминной полки, то под часами нашел бы вот это! – И Гэндальф протянул Бильбо записку (конечно же эти нахалы бесцеремонно использовали его собственную бумагу!).

А на ней было вот что написано:

- У тебя осталось всего десять минут. Придется бежать, - сказал Гэндальф.

- Но... - заикнулся было Бильбо.

- На это нет времени, - оборвал его волшебник.

- Но... - настаивал Бильбо.

- И на это нет времени! А ну бегом!

До конца своих дней Бильбо не мог уразуметь, как это вдруг он оказался на улице без шляпы, без тросточки, без гроша в кармане и без всего того, что обычно было на нем и при нем, когда он выходил из дому. С чего это вдруг он оставил недоеденным второй завтрак, недоубранной квартиру и вдобавок сунул связку ключей Гэндальфу? Его мохнатые ноги сами несли своего хозяина по дорожке от дома, потом по тропинке мимо огромной мельницы, а там через Реку и, не сбавляя ходу, еще добрую милю или около того.

Едва дыша, он долетел до таверны за секунду до того, как часы начали бить одиннадцать. И тут выяснилось, что он, кроме всего прочего, забыл и носовой платок.

- Bravo! - воскликнул Балин, поджидавший его на пороге таверны.

В этот момент из-за поворота дороги, что вела в деревню, показались и остальные. Они восседали на пони, нагруженных, кроме того, кучей всякого добра - корзинами, тюками, баулами, шерстяными одеялами, узлами и свертками. Рядом трусил маленький пони, как раз впору коротышке Бильбо.

- Поскорей садись, - обратился Торин к хоббиту, - и в дорогу!

– Ужасно извиняюсь, – пролепетал Бильбо, – но я без шляпы и к тому же вышел из дому без гроша и без носовых платков. Вашу записку я получил, если быть точным, только в десять сорок пять утра.

– Э, ерунда! обойдемся без такого пустяка, как точность, – отрезал Двалин. – Тебе также на время путешествия придется обойтись без пустяковины вроде носовых платков или чего-то в этом роде. А насчет шляпы не волнуйся. У меня есть лишний плащ и капюшон.

Вот так и началось в одно прекрасное весеннее утро это путешествие. От таверны потянулась вереница тяжело нагруженных пони. Бильбо в съезжавшем на глаза выцветшем темно-зеленом капюшоне и великоватом плаще Двалина выглядел, прямо скажем, нелепо. Страшно представить, что подумал бы о нем отец, почтенный Банго. Хорошо еще, что хоббиты без бороды и Бильбо никак нельзя было принять за бородатого гнома.

Едва они отъехали от таверны, как прискакал на великолепном белом коне Гэндалф. Он привез Бильбо ворох носовых платков, курительную трубку и табак. С появлением волшебника у путешественников здорово поднялось настроение. Всю дорогу они пели песни, рассказывали забавные истории и умолкали только на привалах, когда рот был набит едой. К сожалению, подкрепиться удавалось не так часто, как этого хотелось бы Бильбо. И все же это веселое и совсем безопасное путешествие начинало ему нравиться.

Поначалу они пересекали земли хоббитов, эту обширную и мирную страну, населенную скромным, достойным народом, край с отличными дорогами и неизменными постоянными дворами. Иногда им навстречу попадался спешивший по своим делам хоббит или гном. Затем пошли незнакомые места, где слышалась странная, непонятная речь и такие песни, каких Бильбо сроду не слыхивал. Наконец они добрались до Бесплодных земель, где ни обитателей, ни наезженных дорог, ни тем более постоянных дворов не было и в помине. Впереди темнели поросшие лесом горы, одна другой выше. На вершинах некоторых из них можно было различить зловещие силуэты полуразрушенных древних крепостей. Ко всему прочему и погода испортилась. Еще накануне стоял отличный, почти сказочный майский денек, а теперь стало холодно и сыро. Здесь, в Бесплодных землях, уже приходилось высматривать подходящее местечко для привала, укрываясь от бесконечно морозящего дождя.

– Кто бы мог подумать, что май на излете и лето не за горами, – ворчал Бильбо, чей пони по колено в жидкой грязи плелся позади всех. В это время он обычно попивал чаек в тепле, а тут с утра лил дождь, в глаза затекало с краев капюшона, плащ промок насквозь, а утомленный пони то и дело спотыкался.

Все раздраженно молчали, и не с кем было даже перекинуться словечком.

– Наверняка и тюки с одеждой промокли, и еду в сумках развезло, – пыхтел Бильбо. – Не ввяжись я в это дурацкое приключение, сидел бы сейчас дома, в милой сердцу норе, у камина, а на огне уютно посапывал бы, попыхивал чайник.

Ах, не раз еще придется бедняге с тоской вспоминать о той блаженной жизни!

Гномы знай себе трусили впереди, не оборачиваясь и не обращая на хоббита никакого внимания. Солнце, скрытое плотными серыми облаками, должно быть, уже садилось. И к тому времени, когда они начали спускаться к речной долине, почти совсем стемнело. Поднялся ветер, и росшие по берегу ивы стали раскачиваться и жалобно вздыхать. Река вспухла от дождя и бурлящих мутных потоков, катившихся с гор. К счастью, оказался целым древний каменный мост.

К тому времени, когда они переправились через реку, стемнело окончательно. Ветер разорвал облака, и в прорывах между летящими серыми клочьями заскользила бледная луна. Всадники остановились, и Торин пробормотал что-то насчет ужина и сухого местечка, где можно бы устроить ночлег.

И только теперь они заметили, что Гэндальф исчез. До сих пор он держался вместе с ними, но так и оставалось непонятно, собирается ли волшебник участвовать в деле со всей компанией или просто едет за компанию, пока им по дороге. Он ел больше всех, говорил и смеялся громче всех и вдруг испарился, будто его и не было!

– Кто же нам в случае чего наколдует еду? – захныкали Дори и Нори, которые, как и хоббит, считали, что есть надо часто и много.

Не долго думая, решили заночевать там, где остановились. Отыскали местечко посуше под деревьями. Впрочем, и здесь при малейшем дуновении ветра дождем падали с листьев крупные капли. И это бесконечное «кап-кап» наводило тоску. Вдобавок ко всему ни за что не желал разгораться костер. Гномы умеют разжигать костры где угодно, когда угодно и из чего угодно. Но этой ночью ничего не получалось даже у таких непревзойденных раздувателей костра, как Ойн и Глойн.

Потом неведомо чего испугался и ринулся напрямик в реку пони. Фили и Кили, сами чуть не утонув, выволокли беднягу из воды, но спасти навьюченную на него поклажу не сумели, и тюки унесло быстрым течением. Ужасное невезение! Тем более что в тюках были запасы еды и на ужин осталось совсем немного, а на завтрак и того меньше.

Они сидели мрачные, промокшие до нитки и ворчали на Ойна и Глойна, которые все еще безуспешно возились с костром. Бильбо печально размышлял, что приключения – это не только приятная прогулка верхом под ласковым майским солнышком. Он совсем уж было пригорюнился, когда стоявший в дозоре Балин закричал:

– Огонь! Вон там огонь!

И верно, на вершине ближнего холма сквозь густые заросли рыжеватым пятнышком призывно мерцал огонек костра или факела.

Несколько минут путники молча смотрели на него, не зная, на что решиться. А потом горячо заспорили. «Конечно, да!» – говорили одни. «Конечно, нет!» – возражали другие. Одни утверждали, что лучше погреться у костра и получить горячий ужин, чем остаться голодными и холодными. А другие толковали свое:

– Края эти нам плохо знакомы. Да и горы близко. Безобидные путешественники вроде нас редко сюда забредают. А старым картам нечего верить – времена нынче не те. Дороги не охраняются, порядка никакого. О короле бродяги и слыхом не слыхивали. Чем меньше будем совать нос куда не следует, тем

меньше неприятностей.

Одни на это возражали:

– Нас четырнадцать как-никак.

Другие не сдавались:

– Зато Гэндальфа нет как нет.

Тут все наперебой стали судить да рядить, куда же запропастился волшебник. Спорили, спорили, пока Глойн и Ойн не затеяли потасовку.

Это всех тут же и примирило.

– В конце концов, – решили они, – с нами Мастер Отмычка.

И, недолго думая, потянулись навстречу неизвестному огоньку. Осторожно ступая, ведя пони на поводу, они век оре подкрались к холму и углубились в лес. Ничего похожего на приличную дорогу не было и в помине. Карабкаясь в чернильной тьме по крутому склону, они наделали немало шума. Треск сухих веток под ногами, грохот катящихся вниз камней, оханье и аханье взбудоражили, казалось, всю округу.

Огонь плеснул в глаза неожиданно.

– Теперь твоя очередь, Отмычка, – зашептали гномы и подтолкнули вперед Бильбо.

– Разведай, что это за огонь и нет ли опасности. Если все тихо, тут же возвращайся, – напутствовал его Торин. – Ежели что не так, то тем более поворачивай назад. А не сможешь вернуться, подай знак. Ухни два раза совой и один раз филином. Мы тут сообразим, что делать.

И бедняга Бильбо покорно двинулся навстречу беде. Хотя он не сумел бы и раза ухнуть совой, а тем более филином. Зато никто лучше хоббитов не умеет бесшумно ходить по лесу, никто на свете. И хоббиты очень этим гордятся.

Бильбо презрительно хмыкал, слушая поднятый в лесу «гномий шум-гам». (Правда, нормальные люди вроде нас с вами не услышали бы топота и целой армии гномов, промаршируй они у нас под самым носом. Но то мы, а то хоббит. А неслышные шаги Бильбо не спугнули бы и самого осторожного зверька.) Хоббит подобрался очень близко к огню и обомлел.

Вокруг огромного костра, сложенного из цельных стволов бука, расселись трое великанов. Над огнем жарилась на вертеле баранья туша, а великаны глотали слюнки и облизывали жирные пальцы. Дурманящий аромат кружил голову. Рядом с костром стояла бочка какого-то вкусного питья, и великаны черпали оттуда кружку за кружкой.

«Тролли, вот кто это!» – тут же догадался Бильбо. Хоть он сроду так далеко от своей уютной норы не путешествовал, но сразу узнал этих великанов по их мерзким физиономиям, громадным, будто из скалы вырубленным ногам, а главное, по разговорам, слишком грубым для хоббичьих ушей.

– Вчера баранина, сегодня баранина. Да провалиться мне на этом самом месте, если завтра я погляжу на эту проклятую баранину! – проворчал один тролль.

– Точно! Я уж и вкус человечины забыл, – подхватил второй. – И о чем только думал этот безмозглый чурбан Вильям, когда приволок нас сюда? Даже выпивка и та кончается. – И он со злостью ткнул локтем Вильяма, который только что собирался отхлебнуть из своей кружки.

Вильям поперхнулся.

– Заткнись! – гаркнул он, откашлявшись. – По-твоему, человечинка сама к вам с Бертом припожалует? «Здрасьте, вот она я. Лопайте на здоровье!» Да с тех пор, как мы с гор спустились, ты полторы деревни сожрал и не облизнулся.

Ненасытная скотина! Такие пошли времена, что ты за кусок жирной баранины должен бы сказать «спасибочки, Билл!»! – Он отхватил зубами добрый кус бараньей ноги и вытер рукавом губы.

Да, скажу вам, не овечки эти тролли! А Бильбо, услышав такие речи, понял, что медлить нельзя. Надо бы потихоньку смыться и предупредить друзей. Они и ведать не ведают о трех злобных троллях, которые наверняка не откажутся испробовать жареных гномов или пони, испеченных на вертеле. А может, не торопиться и, улучив момент, покопаться, к примеру, в карманах троллей? Не зря же его нарекли Мастером Отмычкой! Эх, будь на его месте настоящий мастер своего дела, тот еще и барана с вертела утащил бы и вдобавок бочку питья укатил! Да и троллей в единый миг перебил бы всех до одного. А потом всю ночь веселился.

Про настоящих смельчаков Бильбо был наслышан. И читал о них. Он вообще многое знал из того, чего сам не видел и не делал. Все эти мысли его сильно растревожили и привели в дурное расположение духа.

Вдруг захотелось оказаться за тридевять земель отсюда. Но все же... все же не мог он вернуться к Торину и остальным с пустыми руками! Он затаился в тени дерева, буквально разрываясь на части. Самое легкое из того, что обычно делают храбрецы-умельцы, обчистить карманы троллей. Решившись, Бильбо пополз к дереву и оказался прямо за спиной Вильяма. Тролли Берт и Том отошли за следующим бочонком. Вильям запрокинул голову, высасывая последние капли пива из своей кружки. Затаив дыхание, Бильбо сунул руку в оттопыренный карман тролля и сразу же нащупал кошелек величиной с мешок. «Ха, – обрадовался Бильбо, удивляясь своей ловкости и поражаясь легкости и простоте нового ремесла, – это только начало!»

Начало, уж это точно! Хоббит и не подозревал, что кошельки у троллей с секретом. И тут такое началось!

– Эй, ты кто? – заверещал вынутый из кармана кошелек.

Вильям мгновенно обернулся и схватил Бильбо за шкурку, прежде чем тот успел шевельнуться.

– Что за чертовщина? Эй, Берт, иди погляди, кого я сцапал! – вскричал Вильям.

- Что это такое? – удивились тролли, подходя поближе.

- Мне почему знать! Ты что такое?

- Бильбо Бэггинс... Ма-мастер Отмы-м-мы... хоббит, – пролепетал бедняга, трясясь всем телом и пытаясь сообразить, как ухнуть по-совиному, пока его не прикончили.

- Ишь ты! Мамыхоббит! – озадаченно глазели на него великаны. Тролли вообще туговато соображают. Оттого не жалуют ничего нового.

- Одного не пойму, чего надо этому мамыхоббиту в моем кармане? – наморщил лоб Вильям.

- Интересно, каков он на вкус? – облизнулся Том.

- Попробуй! – предложил Берт, протягивая ему вертел.

- Да тут, если не считать шкуры да костей, мясца на один зубок! – хмыкнул Вильям, который уже насытился жареной бараниной.

- А может, эдакой живности здесь много водится? На пирог с начинкой наберется? – оживился Берт. – Эй, ты, сказывай, много ли вас тут лохматых по лесу шастает? – рявкнул он, поднимая хоббита в воздух за мохнатые ноги.

- Видимо-невидимо! – пискнул было Бильбо, но спохватился, что нельзя выдавать друзей, и поспешил добавить: – Н-не видел ни одного.

- Так видимо или невидимо? Что-то я в толк не возьму! – рявкнул Берт и, перевернув Бильбо, ухватил его за волосы.

- Да я как раз о том и толкую, – придушенно просипел Бильбо. – Что во мне толку? Пожалуйста, добрые господа, не готовьте из меня ничего! Я сам готов вам сготовить такое, чего из меня ни за что не приготовить. Завтра я вам приготовлю отличный завтрак, если только сегодня вы меня не приготовите на ужин.

– Дался тебе этот худышка-замухрышка! – скривился Вильям, который уже до отвала наелся и напился. – Брось его, Берт.

– Пусть сначала объяснит, почему их то видимо, а то невидимо, – заупрямился Берт. – Не желаю, чтобы кто-нибудь из этих Видимо или Невидимо во сне мне глотку перегрыз. Ну-ка, сунем его лохматые ноги в костер и подержим так, пока не заговорит!

– Ни к чему это, – покачал головой Вильям. – И потом, если разобраться, я его поймал. Мне и отпустить.

– Ты толстопузый дурень, Вильям! – взъярился Берт. – Я говорил это сегодня вечером и готов повторить снова.

– А ты грубая скотина!

– А ты у меня за скотину получишь, Билл Хаггинс! – рявкнул Берт и залепил Вильяму кулаком в глаз.

Тут они и сцепились, забыв про хоббита. Бильбо шлепнулся под ноги дерущимся и, не будь дурак, поскорей отполз подальше. А тролли, рыча, как собаки, изрыгая ругательства и лягаясь, уже катались вокруг костра и безжалостно молотили один другого пудовыми кулаками. Том дубасил бревном обоих без разбору, пытаясь их разнять, но это только прибавляло им ярости.

Самое время было улепетнуть. Но тролль своими громадными лапищами так помял Бильбо, что тот лежал, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой, и еле переводил дыхание.

И вдруг в разгар драки из темноты выскользнул Балин. Гномы услышали шум и замерли, ожидая, что Бильбо вот-вот вернется или, на худой конец, ухнет совой. Ни Бильбо, ни совиного крика. Тогда гномы тихо и осторожно один за другим поползли на огонек. Но как только в свете костра показался Балин, громадный Том издал ужасный вопль. Известно, что тролли терпеть не могут живых гномов, им по вкусу только жареные. Берт и Билл мигом прекратили драку и в один голос завопили: «Мешок! Том! Скорей!» Балин и ахнуть не успел, как оказался в мешке.

– Первый! – возрадовался Том. – Сейчас и остальные появятся, или я полный идиот! Теперь-то я уразумел, что такое Видимо и Невидимо. Мамыхоббитов Невидимо, а гномов Видимо!

– Выходит, ты не такой уж полный идиот, – согласился Берт. – Спрячемся подальше от света.

Тролли затаились в темноте под деревьями, держа наготове пустые мешки из-под барана и всякого награбленного добра. Стоило очередному гному приблизиться к костру и зазеваться на обглоданные бараньи кости и валявшиеся в траве кружки, как – хлоп! – и он с головой исчезал в затхлом вонючем мешке. И вскоре около костра валялась целая куча шевелящихся мешков. Двалин лежал на Балине. Фили и Кили рядом. Дори, Нори и Оли один на другом. Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур были и вовсе навалены как попало.

– Так им и надо! – злобно прошипел Том. Ему все-таки досталось от Бифура и Бомбура, которые кусались и царапались до конца. Все гномы в минуту опасности дерутся как безумные.

Торин подкрался к костру самым последним, и троллям не удалось застать его врасплох. Крики и шум насторожили гнома. Ему даже не обязательно было видеть ноги друзей, беспомощно торчавших из груды мешков, чтобы понять, что здесь не все ладно. Он спрятался за дерево и пробормотал:

– Что такое? Кто наших бьет?

– Тролли! – прошептал Бильбо из-за соседнего дерева.

– Вперед! – скомандовал себе Торин и так стремительно метнулся к костру, что тролли и ахнуть не успели. А гном выхватил из огня горящую ветку и ткнул Берта прямо в глаз. Слепленный тролль завертелся на месте. Бильбо кинулся на помощь гному и попытался ухватить Тома за ногу. С таким же успехом он мог обнять ствол столетнего дуба. Тролль тряхнул ногой, и хоббит, кувыркаясь, отлетел в кусты, а в лицо гнома брызнули горячие угли, поддетые громадной ступней великана.

Торин не остался в долгу, и Том тут же получил поленом в зубы. Один зуб кракнул, и тролль взвыл от боли. Но в этот момент Вильям подкрался к Торину сзади и накинул ему на голову мешок. Тем и закончился неравный бой. Теперь все гномы лежали рядом в завязанных мешках, а вокруг сидели три разъяренных тролля, двое из которых были на славу разукрашены синяками и ожогами. Они горячо спорили, как получше приготовить гномов на ужин. Один хотел поскорей зажарить целиком на вертеле. Другой предлагал разделать и сварить похлебку. Третий толковал, что самое лучшее – посидеть на мешках, размять гномов, раздавить, раздробить все косточки и проглотить сырыми. Бильбо в разодранной одежде и расцарапанный колючками до крови валялся в самой гуще кустов, не смея шевельнуться.

И тут появился Гэндальф. Но для всех он остался невидимым.

Тролли наконец устали спорить и согласились с предложением Берта зажарить гномов.

– Ну вот, будем возиться до утра, а съесть так и не успеем! – раздался неведомо откуда голос. Говорил-то невидимый Гэндальф, но Берту показалось, что это сказал Вильям.

– Опять перечишь, Билл! – вскипел он. – Так и впрямь до утра будем возиться!

– Кто перечит? Сам хорош! – огрызнулся Вильям, которому, наоборот, померещилось, что говорил Берт.

– Ты, кто же еще?

– Врешь! – взъярился Вильям, и спор разгорелся снова. В конце концов порешили разделать гномов и сварить похлебку. Приготовили большой закопченный котел и вытащили острые ножи.

– Ха, варить! Глупая затея! – снова проговорил голос. – Воды у нас нет, а до колодца тащиться и тащиться!

Берт и Вильям решили, что это сказал Том.

– Заткнись! – набросились они на него. – Будешь еще встречать, сам и пойдешь за водой!

– Сам заткнись, дубина! – зашипел на Вильяма Том, который был уверен, что слышал именно его голос.

– Кто дубина? – вскинулся Вильям.

– Ты! – оскалился Том.

И спор вспыхнул с новой силой. Казалось, тролли разорвут друг друга, но они наконец успокоились и на этот раз решили сесть на мешки, размять хорошенько гномов и уже потом их есть.

– Кто первый и с которого начнем? – спросил голос.

– Я первый! А сяду на последнего! – вызвался Берт, которому Торин поджег глаз. Он полагал, что отвечает Тому.

– Чего сам с собой споришь? – рассердился Том. – Садись хоть последним на первого, хоть первым на последнего. Только где он, первый?

– Тот, что в желтых чулках был, – сказал Берт.

– Чепуха! Тот был в серых, – сказал голос голосом Вильяма.

– В желтых! Я точно помню! – насупился Берт.

– А кто спорит? Конечно, в желтых, – поддакнул Вильям.

– Ты и споришь. «В се-ерых»! – передразнил его Берт.

– Ничего такого я не говорил. Это Том сказал, – оправдывался Вильям.

– Я? – вскинулся Том. – Сам всех путаешь!

– Ага! И Том подтверждает. Так что кончай спорить и заткнись! – накинулся на Вильяма Берт.

– Это ты мне говоришь? – сжал кулаки Вильям.

– Угомонись! – вскричали разом Берт и Том. – Надо поторапливаться. Ночь кончается. Рассвет скоро.

– А рассвет не пощадит – в мертвый камень превратит! – голосом Вильяма пророкотал неизвестный голос.

Но настоящий Вильям не успел вымолвить ни слова, ибо в ту же секунду небо над холмами посветлело. Грянули птичьи трели. Вильям как стоял, так и окаменел. Берт и Том тоже превратились в неподвижные каменные глыбы. Так они и стоят по сей день, и только птицы иногда садятся на эти грубо вытесанные одинокие изваяния. Нам-то с вами известно, что тролли до наступления утра должны успеть спрятаться под землю, а не то навечно обратятся в скалы. Это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

– Чудесно! – возгласил Гэндальф, выходя на свет и помогая Бильбо выпутаться из колючек. Тут только Бильбо и сообразил, что слышал голос волшебника, который заставил троллей ссориться и спорить до тех пор, пока наступивший рассвет не превратил их в камень.

Теперь оставалось только развязать мешки и выпустить на волю гномов. Бедняжки чуть не задохнулись и были ужасно рассержены. А кому понравится лежать в мешке и слушать, как тролли рассуждают, то ли поджарить тебя, то ли сварить, то ли и вовсе раздавить в лепешку? Они заставили Бильбо рассказать, а потом еще и повторить, чем же он так всполошил и разозлил троллей.

– С чего это ты принялся шарить по чужим карманам, когда нам всего-то и нужно было, что погреться у костра да поесть? – набросился на него Бомбур.

– Без драки и этой малости вы бы не получили, – успокоил их Гэндальф. – И давайте зря времени не терять. У троллей наверняка где-то поблизости есть пещера или глубокая расселина, куда они прятались от солнца. Неплохо бы туда заглянуть.

Они принялись искать и вскоре наткнулись на петлявшие между деревьев следы громадных каменных башмаков. Следы тянулись вверх по склону холма и привели к скрытой зарослями кустов большой каменной двери. Они и дергали ее, и толкали, и наваливались все разом, дверь не поддавалась. Не помогли даже волшебные заклинания Гэндальфа.

– Может быть, этим попробовать? – робко спросил Бильбо, когда все окончательно выбились из сил. – Я нашел его на земле во время драки. – И он протянул громадный ключ, который Вильяму, должно быть, казался совсем крохотным. Тролль его, наверное, и выронил, прежде чем окаменел.

– Что же ты раньше не сказал? – закричали гномы. А Гэндальф схватил ключ и сунул его в замочную скважину. И тяжеленная каменная дверь легко отворилась от одного толчка. В нос им ударил отвратительный запах. Они вошли в пещеру и увидели разбросанные по полу кости, а на полках наваленную в беспорядке всевозможную снедь. В углу среди сора и мусора лежали горы воровской добычи – горсти медных пуговиц, горшки, доверху наполненные золотыми монетами, а на гвоздях вдоль стен висело много разной одежды. Троллям все эти штаны и куртки были явно малы, а значит, принадлежали их несчастным жертвам. Здесь же висели короткие и длинные, широкие и узкие, выкованные различными мастерами мечи и ножи. Особенно хороши были два меча в роскошных ножнах и с рукоятями, украшенными драгоценными камнями.

Эти мечи взяли себе Гэндальф и Торин. Бильбо облюбовал кинжал в кожаных ножнах. Троллям он служил на самом деле перочинным ножиком.

Волшебник наполовину вытащил из ножен свой меч и с удовольствием заметил:

– Отличный клинок! Ковали его не тролли, не здешние кузнецы, да и не в наше время. Ну а когда прочтем вырезанные на них заклинания, узнаем и побольше.

– Давайте-ка выбираться отсюда. Дышать нечем, – поморщился Фили.

Они прихватили горшки с монетами, кое-какую еду, которая показалась им не очень противной, полную бочку пива и поспешили выскочить наружу. На свежем воздухе голод напомнил о себе, и они накинулись на пищу троллей, уплетая все подряд. Запасов в кладовой великанов оказалось немало. Теперь у путников был и хлеб, и сыр, и пиво на случай жажды и даже добрый кусок засоленной свинины, которую можно будет зажарить на углях.

После беспокойной ночи они спали как убитые до полудня. Потом зарыли в приметном месте недалеко от реки горшки с золотом, разыскали своих пони и потрусили по дороге, держа путь на Восток.

- Позволь узнать, куда ты тогда запропастился? – спросил Торин волшебника.

- В ту сторону. Поглядеть, что там, – загадочно ответил Гэндальф.

- А как ты догадался вернуться так вовремя?

- Поглядел в эту сторону, – хмыкнул Гэндальф.

- Понятно, – кивнул Торин. – А поточнее мог бы объяснить?

- Я поехал разведать дорогу. Она будет трудной. Впереди нас могут поджидать опасности. Запасов еды у нас маловато – хорошо было бы пополнить. На счастье, я повстречал старых друзей из Ривендейла.

- Где это? – спросил Бильбо.

- Не перебивай! – прикрикнул на него Гэндальф. – Если повезет, будем там через несколько дней. Тогда и узнаешь. О чем я говорил? Ах да! Встретил двух приятелей Элронда. Они торопились покинуть эти места, потому что опасались троллей. От них-то я и узнал, что с гор спустились трое троллей, засели в лесу у самой дороги, нагнали на всю округу страху и подстерегают случайных прохожих. Я понял, что мне надо вернуться к вам. Вгляделся, увидел вдали дым костра и поспешил туда. Остальное вы знаете. Но в другой раз, прошу вас, будьте осторожнее, иначе мы никогда и никуда не доберемся!

- Премного тебе благодарны за все, – солидно проговорил Торин.

Глава третья

Короткий отдых

Ни в этот день, ни на следующий они не пели, не болтали, не рассказывали веселых историй. И на третий день тоже ехали молча. Погода разгулялась, небо очистилось, но путникам все чудилось, будто тучи над ними сгущаются. Ночевать им приходилось прямо на открытом воздухе, а еда, найденная в пещере троллей, быстро закончилась. Зато пони, щипавшие сочную травку, были сыты и веселы. На четвертое утро путь всадникам преградила грохочущая по камням пенная река. Они переправились вброд в самом мелком месте и с трудом взобрались на крутой скользкий берег, ведя лошадок на поводу. Впереди громоздились высокие горы. Они почти заслонили небо, и казалось, что до подножия ближайшей всего лишь день легкой прогулки. По ее бурым склонам скользили лучи солнца, но все равно выглядела она темной и мрачной, а над таявшей в тумане вершиной мерцали острые снежные пики.

– Это и есть ТА Гора? – восхитился Бильбо. Никогда в жизни не видел он такой громадины.

– Вовсе нет! – ответил Балин. – Это только первая гряда Туманных гор. Нам надо будет перевалить через них или, если удастся, пройти насквозь. Там только и начнется Дикий край. А оттуда еще топтать и топтать на Восток до Одинокой горы, где дракон Смог прячет наши сокровища.

– Вон оно что! – протянул Бильбо, и в то же мгновение на него навалилась такая усталость, какой никогда прежде не бывало. И снова ему припомнилось уютное кресло возле пылающего очага и тихое посвистывание закипающего чайника. Вернется ли когда-нибудь эта чудесная спокойная жизнь?

Теперь во главе ехал Гэндалф.

– Смотрите не прозевайте дорогу, – сказал он. – Первым делом надо раздобыть еды, а потом хорошенько отдохнуть в укромном, безопасном месте. Но правильная дорога – все же самое главное. Иначе недолго и заблудиться, так и не добравшись до Туманных гор.

Тут посыпались вопросы: где эта самая дорога и куда она их приведет?

– Надеюсь, вам ясно, что мы у самой границы Дикого края? – начал Гэндалф. – Где-то впереди лежит чудесная долина Ривендейл. Там, в Уединенном Убежище живет Элронд. Я послал ему со своими друзьями весточку, и он ждет нас.

Слышать это было приятно и утешительно, но ведь надо еще отыскать дорогу к Уединенному Убежищу. Вокруг не было ничего, за что мог бы уцепиться глаз, – ни деревьев, ни речных долин, ни холмов. Но потрескавшиеся скалы в сиреновом тумане вереска, с пятнами зеленой травы и клочьями мха давали надежду найти в конце концов воду и жизнь.

Миновало утро. Настал полдень. Но по-прежнему их окружала безрадостная, безжизненная пустыня. Путники упорно стремились вперед, и на подступах к горам уже угадывались какие-то неуловимые признаки жилья. Неожиданно открывались цветущие долины, широкие, поросшие кустарником овраги с обрывистыми берегами, а на дне их возникали купы деревьев и шумели быстрые пенные потоки. На пути попадались темные расщелины, через которые, казалось, можно перепрыгнуть одним махом, но они были невероятно глубокими, и с каменных уступов срывались на дно грохочущие водопады. Иногда дорогу перегораживали бездонные пропасти, и приходилось делать большой крюк, чтобы обойти их. То и дело они натыкались на трясины, обманчиво напоминавшие чудесные, усыпанные цветами зеленые луга. Но стоило нагруженным поклажей пони лишь ступить на неверную лужайку, как жадная пучина могла их засосать навсегда.

Путь от брода до подножия гор, к изумлению Бильбо, оказался намного длиннее и труднее, чем это представлялось вначале. Путники медленно двигались по единственной, еле различимой тропе. Она была отмечена лишь небольшими и совсем маленькими белыми камешками, почти скрытыми подо мхом и среди кустиков вереска. Даже Гэндальф, который неплохо знал эти места, отыскивал дорогу с трудом. Двигаясь от камешка к камешку, он перегибался с седла так низко, что борода его почти мела по земле.

И все же они так и не приблизились к цели, хотя день уже клонился к вечеру. Правда, луна еще не взошла, но время обеда давно миновало, а они и чайку не попили. Даже пони под Бильбо начал все чаще спотыкаться о камни и корни. Вдруг перед ними разверзлась глубокая пропасть. Это было так неожиданно, что конь едущего впереди Гэндальфа чуть не сверзился с крутого обрыва.

– Вот и добрались! – воскликнул волшебник.

Спутники сгрудились вокруг него и с опаской заглядывали через край обрыва. Далеко внизу раскинулась обширная долина. Оттуда доносился гул реки, катившей волны в каменном ложе. Воздух был наполнен густым ароматом цветущих деревьев. А по ту сторону реки призывно мерцали огоньки.

Никогда не забудет Бильбо, как в сгустившихся сумерках они скользили и скатывались по крутой извилистой тропе в долину Ривендейл. Чем ниже они спускались, тем приятнее и теплее становился воздух, а терпкий хвойный аромат сосен убаюкивал. Хоббит поминутно клевал носом, рискуя свалиться с седла, голова его падала на грудь или утыкалась в холку пони. Но с каждым шагом, уводящим путников вниз, в долину, настроение их повышалось. Теперь кроме сосен их окружали дубы и буки, а сумеречная тишина навевала приятную дрему. Когда они наконец достигли заболоченной поймы реки, тьма окончательно смыла последние краски с травы, цветов и деревьев.

«Хм-м, – подумал Бильбо, – подходящее местечко для эльфов».

Он поднял голову и поглядел на выпавшие в небе звезды. Голубые, сияющие, они мерцали и подмигивали. Вдруг из-за деревьев, как взрыв смеха, брызнула песня:

О! Что вы творите?

Куда вы спешите?

Еще не готовы

Для пони подковы,

И речка, ах-ах!

Бурлит в берегах.

Хи-хи!

О! Что вам не спится,

В домах не сидится?

И дым над кострами,

И пар над котлами

Клубится, ля-ля!

Народ веселя.

Хо-хо!

О! Знают едва ли

И Балин, и Двалин,

Куда они сами,

Тряся бородами,

Шагают, та-рам!

По лугам, по горам.

Хе-хе!

О! Не спешите,

Друзья, погодите!

Пони хромают.

День угасает.

А песни, тра-ра!

Звучат до утра.

Ха-ха!

Эти насмешники, скрытые в гуще деревьев, весело распевали и, осмелюсь сказать, несли очаровательную чепуху. Но их это нисколько не заботило. Они бы просто расхохотались в лицо тому, кто, как я, осмелился бы назвать их песню бессмысленной ерундой. Кто они? Да конечно же эльфы! Вскоре Бильбо уловил мелькавшие в сгустившейся темноте тени. Эльфы нравились ему на расстоянии, но близко сталкиваться с ними он опасался. А гномы, так те и вовсе не ладят с эльфами. Даже такие умные гномы, как Торин и его друзья, считают их глупыми. А это самая большая глупость, глупее которой и придумать нельзя. Гномы терпеть не могут насмешек, а эльфы обожают подтрунивать над их бородами.

– Ха! Ха! – зазвенел веселый голосок. – Смотрите, смотрите! Дружище Бильбо! Хоббит верхом на пони! Чудеса!

И они затеяли новую песню, еще забавней, чем та, что вы слышали. Наконец из гущи деревьев выскользнул высокий молодой эльф и поклонился Гэндальфу и Торину.

– Добро пожаловать в долину! – вымолвил он.

– Благодарим, – сухо и отрывисто бросил Торин.

Однако Гэндальф уже соскочил с коня и, окруженный эльфами, весело и оживленно болтал с ними.

– Вы немного сбились с пути, – сказал эльф. – Если, конечно, держите путь к тому дому за рекой. Мы вас проводим, но до моста и дальше вам лучше бы спешиться и идти пешком. А пока не желаете ли немного побыть здесь с нами и попеть вволю? Или вы торопитесь? Ужин там, кажется, ждет вас, – добавил он. – И дымком костров тянет.

Как ни устал Бильбо, он был не прочь ненадолго задержаться и потолковать с эльфами, послушать их песни. А пение эльфов звездной июньской ночью, если вы в этом хоть что-то смыслите, очень стоящая вещь. Бильбо любопытно было бы перекинуться парой слов с этими существами, которые знают не только его имя, но и кто он такой, хотя до сих пор он их и в глаза не видел. Может, удастся выпытать у них кое-что о путешествии, в которое его втавили? Эльфам ведомо многое из того, что происходит на свете, новости отовсюду долетают до них самым чудесным образом и быстрее ветра.

Но гномам не терпелось поужинать. Они не желали терять ни минуты, двинулись дальше, ведя пони на поводу, и вскоре вышли к реке. Ее воды пенились и неслись мутным грохочущим потоком, сбегавшим с подтаявших снежных вершин. С берега на берег был перекинут каменный мост, но такой узкий, что пришлось переходить цепочкой по одному, следя, чтобы пони не оступились. Эльфы подсвечивали им фонариками и подбадривали веселыми песенками.

– Не намочи бороду, старина! – кричали они длиннородому Торину, который чуть ли не полз по опасному мосту на четвереньках.

– Следите, чтобы Бильбо не слопал все коржики! – смеялись эльфы. – Не то этот пузан скоро не сможет и в дверь пролезть!

– Доброй ночи, Чудесный Народ! И поосторожней! – остановил их Гэндальф, шедший последним. – Укоротите языки! И долина имеет уши.

Наконец путники добрались до Уединенного Убежища, двери которого были широко распахнуты для гостей.

Вот странность! Начни рассказывать о чем-нибудь хорошем и приятном, все быстро заскучают. Зато обо всяких бедах, несчастьях и опасных приключениях вас будут слушать разинув рот. Потому не будем долго толковать, а скажем лишь, что путники провели в этом гостеприимном доме много приятных дней, ровным счетом четырнадцать, и готовы были остаться там и подольше. А Бильбо, тот и вовсе желал бы жить здесь всегда. Предложи ему сейчас по волшебству перенестись в его уютную хоббичью норку, он еще подумал бы.

Элронд, хозяин дома, был другом эльфов и предводителем тех людей, предки которых еще в доисторические времена участвовали в войне эльфов с гоблинами и первыми освоили Север.

Он был благороден и красив, как и подобает повелителю эльфов, могуч, как воин, мудр, как волшебник, величав, как король гномов, и щедр, как лето. О самом Элронде ходило много историй, но в истории приключений Бильбо он принимал небольшое, хотя и очень важное участие. Имейте терпение дочитать нашу историю до конца и все узнаете.

В доме Элронда каждому было хорошо – и тому, кто любит поесть, и тому, кто не прочь поспать, и тем, кто не отлынивает от работы, и другим, которые, наоборот, готовы день и ночь слушать сказки или распевать песни, и тем, кто любит посидеть и подумать в тишине, и тем, кому нравится все понемногу. Только злу не было места в этой благословенной долине.

И сами путники, и их пони за несколько дней здорово отдохнули и набрались сил. Одежку им подштопали, настроение подправили, синяки подлечили. Походные сумы были набиты едой, такой легкой и сытной, чтобы запросто взобраться на любую гору. Вдобавок им надавали уйму дельных советов. А между тем близился день Летнего Солнцеворота, на восходе которого им предстояло отправиться в путь.

Элронд знал и мог прочесть самые древние письмена. Перед расставанием он осмотрел мечи, добытые в пещере троллей, и молвил:

– Не тролли ковали эти мечи. Это старинное оружие эльфов Запада, моих великих родичей. Изготовлены мечи в Гондолине в эпоху войн с гоблинами. Должно быть, ими завладел какой-нибудь дракон или гоблин. Ведь именно драконы и гоблины разрушили древний город. Твой меч, Торин, не простой. Звался он Оркрест, что на языке гондолинцев означало – Сокрушающий Гоблинов. А в твоих руках, Гэндальф, меч короля Гондолина. Глемдринг имя ему, что значит Молотящий Врагов. Берегите их как зеницу ока!

– Но как же они попали к троллям? – спросил Торин, с интересом разглядывая свой меч.

– Сказать наверняка не могу, – ответил Элронд. – Но думаю, тролли ограбили других грабителей или просто наткнулись на припрятанную в горах чужую добычу. Я слышал, что еще со времен войны между гномами и гоблинами в заброшенных пещерах Мории сохранилось немало древних кладов.

Торин внимательно слушал Элронда.

– Этот меч я буду беречь как собственную честь, – торжественно произнес гном. – И, может быть, скоро он вновь станет грозой гоблинов!

– Пусть же он не подведет тебя, когда вы окажетесь в горах, – сказал Элронд. – А теперь покажите-ка мне вашу карту.

Он развернул ее и, впиваясь пристальным взглядом, долго смотрел, хмурясь и покачивая головой. Элронд не жаловал гномов и особенно их страсть к золоту. Однако жестоких и злобных драконов он просто ненавидел. Одно лишь воспоминание о разрушенных стенах Дейла, о когда-то радостном перезвоне ныне умолкнувших колоколов города наполняло его печалью.

Серебряный свет широкого полумесяца озарял все вокруг. Элронд поднял карту и глянул на просвет.

– Что это? – воскликнул он. – Сквозь четкие письмена, гласящие: «Здесь могут пройти три гнома в ряд и в полный рост», просвечивают лунные буквы!

– Какие еще лунные буквы? – загорелся хоббит.

Я, помнится, говорил вам, что Бильбо любил карты. Нравились ему и древние письмена. Вообще он восхищался всякими искусно выведенными завитушками и рукописной вязью, ибо сам писал как курица лапой.

– Лунные буквы – это те же письмена, только невидимые, – ответил Элронд. – Простым глазом их не разглядишь. Они проявляются лишь под лунным светом. А бывают и совсем тайные. Чтобы прочесть эти письмена, нужно дождаться той же лунной фазы, в которую они были начертаны. Тебе, наверное, известно, что писали их гномы серебряными перьями. Письмена на этой карте выведены такой же ночью, как и нынешняя. В канун Летнего Солнцеворота.

– И что они означают? – разом подались вперед Гэндальф и Торин. Им было досадно, что не они, а Элронд первым разгадал тайну надписи. По правде говоря, у них еще не было подходящего случая заняться картой.

– «Когда услышишь крик дрозда, стань у серого камня, – прочел Элронд. – Луч заходящего солнца стрельнет в замочную скважину. И будет это в день Дьюрина».

– Дьюрин? – переспросил Торин. – Он же был прародителем древнего рода Длиннобородых гномов, а значит, и моим предком. Я потомок Дьюрина.

– Тогда объясни нам, что такое день Дьюрина? – спросил Элронд.

– Первый день гномьего Нового года, – ответил Торин. – Наступает он, когда осенняя луна и зимнее солнце стоят в небе одновременно. Но боюсь, сегодня никто уже не сумеет точно вычислить момент наступления дня Дьюрина. Это знание утеряно в веках.

– Не время отчаиваться, – успокоил его Гэндальф. – А что еще там написано, Элронд?

– При нынешней луне уже ничего не прочесть, – проговорил Элронд и вернул карту Торину.

И тогда все они спустились к реке, чтобы полюбоваться на пляшущих и танцующих эльфов.

Следующее утро было таким чудесным и свежим, о каком можно только мечтать. Голубое небо. Ни единого облачка. И танец солнечных бликов на волнах. Прощальные песни эльфов и пожелания доброго пути летели вслед

путешественникам. Они были готовы к новым приключениям, сердца их наполнились отвагой, и каждый из них знал, что непременно преодолет Туманные горы и достигнет лежащих за ними земель.

Глава четвертая

По горам и под горой

К Туманным горам вело несчетное множество дорог. Одни тянулись по глубоким расселинам сквозь толщу горы. Другие шли по открытым перевалам. Но были и ложные тропы, которые петляли, запутывали и в конце концов заводили в тупик. Здесь нередко таилась всякая нечисть, и заблудившегося подстерегала смертельная опасность. Однако благодаря мудрым советам Элронда да и Гэндальфу, который помнил дорогу, удавалось пока не сбиться с пути.

Много дней прошло с тех пор, как наши путешественники покинули Уединенное Убежище в долине. И немало миль уже преодолели они, но все шли и шли, поднимаясь все выше и выше. Трудная тропа. Опасная тропа. Извилистая, бесконечная, пустынная дорога. Теперь, если оглянуться, можно окинуть единым взором всю лежавшую внизу округу, земли, оставшиеся позади. Далеко-далеко на Западе, размытая голубоватым туманом, простиралась родная страна Бильбо, безопасная и цветущая. И где-то там, тоскливо думал Бильбо, его милая хоббичья норка.

Резко похолодало. В скалах пронзительно свистел ветер. С крутых склонов вдруг срывались и неслись вниз громадные валуны, освободившиеся из-под таявшего снега и льда. Одни, к счастью, пролетали мимо. Другие, к ужасу путников, проносились прямо над головой. Ночи были холодными и сырыми. Никто не

решался громко разговаривать и тем более петь, ибо каждое слово, усиленное эхом, жутким грохотом раскатывалось в горах. Тишину осмеливались нарушать лишь бесконечный шум воды, дробный стук камней и стенания ветра.

«Где-то внизу в самом разгаре лето, – размышлял Бильбо. – Сенокос. Пикники. Мы еще и с гор не спустимся, а там уже начнется жатва, походы за ежевикой».

Остальных путников тоже одолевали мрачные мысли. А ведь совсем недавно, прощаясь с Элрондом, все они представляли себе, как легко преодолеют горы и быстро поскачут по бескрайним просторам равнины. Они прикидывали, что уже осенью доберутся до потайной двери в Одинокой горе. «Как раз ко дню Дьюрина и поспеем», – беспечно толковали они между собой.

Гэндальф на все это лишь качал головой да помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой. Зато Гэндальф нередко хаживал здесь и знал, что в Диком краю опасности подстерегают на каждом шагу, а с той самой поры, как драконы и гоблины завладели этим краем и поселились в пещерах и подземельях Мории, зло уже не таится и открыто разгуливает повсюду. И если ты решился путешествовать по Дикому краю, то должен помнить, что даже мудрость таких волшебников, как Гэндальф, или добрые советы таких друзей, как Элронд, не всегда избавят от беды. В любую минуту могло случиться непредвиденное. Гэндальфу оставалось только надеяться, что удастся все же без опасных приключений перевалить через эти высокие горы с их поднебесными снежными пиками и спокойно миновать земли, где уже столько веков вместо справедливой королевской власти царят бесправие и злодейство.

Но гномы и хоббит ни о чем таком и не задумывались. Все шло хорошо, пока однажды их не настигла гроза. Да что там гроза! Настоящая буря. Вы знаете, что такое буря, сметающая все на своем пути, или шторм на море, когда встречаются две разъяренные стихии? Но еще ужаснее ночная гроза в горах. Сверкание и грохот. Злобный вой и свист встречных ветров, скрутившихся в смертельной схватке. Горы содрогаются от грома. Молнии с треском вонзаются в скалы. Разрывается воздух. Гулкие раскаты грозным эхом откликаются и дробятся в пещерах, перекатываются по ущельям. Тьма наполняется

оглушающим грохотом и ослепляет внезапными вспышками.

Такого Бильбо никогда не видел, даже вообразить не мог ничего подобного. Гроза застала путников на узкой каменной площадке, круто обрывавшейся в затянутую туманом пропасть. Бильбо вжался в нависающую уступом скалу, укрылся с головой одеялом и затих, дрожа всем телом. Иногда он осмеливался высунуть нос наружу. Вспышки молний вырывали из тьмы то лоскут долины, то морщинистый склон горы. И тогда хоббиту мерещилось, будто сказочные каменные великаны играючи перекидываются обломками скал, швыряют их во мрак, разбивая вдребезги и сокрушая деревья. А потом хлынул ливень, и косой ураганный ветер хлестал струями дождя вперемежку с градом. От бешеных порывов не укрывал уже и навес. Вскоре все они промокли насквозь. Пони стояли с понурыми головами, прижатыми к ногам измочаленными хвостами и потихоньку испуганно ржали. А великаны в горах все гоготали и грохотали.

– Это не дело! – вымолвил Торин. – Если даже не сдует нас ветром, не смоем дождем или не шарахнет молнией, то растопчет или пинком скинет в пропасть горный великан.

– Что ж, коли знаешь местечко получше, отведи нас туда! – проворчал Гэндальф, которого тоже не очень радовало соседство грозных великанов.

В конце концов решили послать Фили и Кили приискать укрытие понадежнее. Они были моложе остальных гномов лет на пятьдесят, и глаз у них острый, потому и были постоянно на посылках.

Бильбо не всегда годился для такого дела. Как говаривал Торин: «Глядеть – не значит углядеть». И верно, не всегда видно то, что ищешь, а то, что видно, не всегда оказывается тем, что ищешь. Так вышло и на сей раз.

Фили и Кили вскоре приползли обратно, укрываясь от ветра за скалами.

– Мы нашли сухую пещеру, – сообщили они. – Совсем рядом. Там даже пони поместятся.

– А вы хорошо ее осмотрели? – строго спросил волшебник, который знал, что горные пещеры редко пустуют.

– Да! Да! – поспешно вскричали оба гнома, хотя вряд ли за такое короткое время можно было обшарить все уголки огромной пещеры. – Она, конечно, просторная, но не такая уж и большая!

О, пещера – опасная штука! Никогда не знаешь, как далеко она простирается, куда упирается, где кончается и кто поджидает тебя внутри. Но пока уверения Фили и Кили всех убедили и успокоили. Продрогшие путники быстро собрались и приготовились к недалекому переходу. Ветер завывал, гром грохотал не переставая. Им стоило немалых трудов добраться до места да еще и с пони на поводу. Впрочем, идти пришлось и впрямь недалеко. Совсем скоро они уперлись в скалу, почти перегородившую тропинку. Осторожно обогнув препятствие, путники обнаружили в склоне горы низкий лаз. За ним неожиданно открывался действительно просторный зал, где свободно разместились расседланные и освобожденные от поклажи пони. Теперь, сидя в надежном укрытии, приятно было слушать доносившиеся снаружи вой ветра, шум дождя и вовсе не страшный гогот беснующихся великанов. Но волшебник был начеку. Он взял свой посох – тот самый, что когда-то (казалось, давным-давно) забыл в столовой у Бильбо, – и, засветив его, вместе с хоббитом обследовал пещеру вдоль и поперек.

Она была велика, но не слишком. Темна, но вовсе не таинственна. Сухая, с уютными закоулочками и укромными уголками. В дальнем конце нашлось углубление для пони, и они стояли рядком, с удовольствием похрупывая травкой из подвешенных к морде мешков. Ойн и Глойн хотели было развести костер, чтобы просушить вещи, но Гэндальф не позволил. Тогда все разложили мокрую одежду прямо на полу, повытаскивали из мешков сухую, устроили из нее удобные подстилки и, набив трубки, принялись пускать в потолок дымные колечки. Гэндальф, забавляя друзей, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял весело плясать и кувыркаться в воздухе. За беспечной болтовней они совсем позабыли о грозе и увлеченно толковали о том, что каждый из них сделает со своей долей сокровища, которое непременно добудут. А в том, что это случится, и совсем скоро, никто и не сомневался. Но скоро случилось совсем другое – усталые, они один за другим заснули.

А эта ночь доказала, что они не напрасно взяли с собой Бильбо. Он долго ворочался, а когда наконец уснул, увидел отвратительный сон. Ему виделось, будто трещина в дальней стене пещеры вдруг сама собой стала расширяться и расширяться. Беззвучный крик вырвался из горла хоббита. Он не мог пошевелиться и только молча смотрел. А безумный сон продолжался. Теперь

уже разверзся пол пещеры, и бедняга почувствовал, что летит, летит неизвестно куда.

Тут он вздрогнул, проснулся и с ужасом обнаружил, что это был вовсе не сон. Стена действительно раздвинулась и превратилась в широкий проход. Бильбо видел, как во тьме отверстия мелькнул и исчез хвост последнего пони. И он завопил. Так пронзительно, как могут кричать, несмотря на свой малый рост, только хоббиты.

В это же мгновение из разверзшейся стены стали выскакивать гоблины. Огромные гоблины. Безобразные гоблины. Целая толпа громадных уродливых гоблинов. Никто не успел ни ахнуть, ни охнуть. На каждого гнома навалились по шесть чудищ, а на Бильбо – двое. Они сграбастали их и быстро потащили в зияющее отверстие. Но Гэндальфа им схватить не удалось. Услышав вопль Бильбо, волшебник мгновенно пробудился. Как только гоблины приблизились, в глаза им сверкнула молния, раздался взрыв, запахло гарью, и несколько врагов замертво грохнулись на землю.

Щель с коротким стуком сомкнулась. Бильбо и гномы оказались по ту сторону стены! А Гэндальф? Куда он девался? Этого не знал никто – ни гоблины, ни их пленники. Впрочем, гоблины и не собирались искать его. Они уносили Бильбо и гномов все дальше и дальше, глубже и глубже в непроглядную темень. Но гоблины, живущие в самой сердцевине горы, видят и во тьме. Туннели и переходы ветвились и переплетались, однако гоблины знали дорогу так же хорошо, как вы дорожку к своему дому. А подземная дорога вела все глубже и глубже.

Становилось невыносимо душно. А гоблинам хоть бы что! Эти грубияны безжалостно щипали пленников, издевательски хихикали и хрипло гоготали. Бильбо страдал даже больше, чем в лапах троллей. Снова и снова он вспоминал свою чудесную светлую норку. И боюсь, не в последний раз.

Наконец впереди замерцал багровый свет. Гоблины тут же затянули песню. Из их глоток вырывалось жуткое карканье. Широкими твердыми ступнями они отбивали ритм и потряхивали пленников в такт своей жуткой песне:

Топ! Шлёп! Чёрный гроб!

Хрип! Храп! Бей! Грабь!

Тащи свои кости к гоблинам в гости

Живее, малыш!

Крик! Крак! Стук! Бряк!

Тьма и мрак! Кулак и тесак!

Бей и круши в подземной глуши!

Страшись, малыш!

Свист плетей! Хруст костей!

Этот звук тешит слух! Ух!

Гоблинам нужен обед и ужин.

Поедят-попьют и сидят поют

В пещере, малыш!

От этой песни и впрямь становилось страшно. Каменные стены, казалось, повторяют эти «крик-крак» и «стук-бряк». Эхом отдавался безобразный гогот, множилось устрашающее «хрип-храп», «бей-грабь». И слишком ясен был смысл этой грозной песни. А гоблины выхватили хлысты и, стегая пленников, под крики: «Свист плетей! Хруст костей!» погнали их вперед. Гномы стенали, стонали, вскрикивали и всхлипывали. И вдруг все они кубарем скатились в огромную пещеру.

Пылавший посредине костер и факелы на стенах освещали жадную толпу гоблинов. Увидев гномов и маленького хоббита, они дико загоготали, затопали, захопали. А гоблины-погонялы знай щелкали бичами, хлестали и подгоняли стадо пленников. Бильбо, как самому последнему, доставалось больше всех. Здесь уже были и пони, согнанные в угол. Рядом кучей валялись разодранные, распоротые, растерзанные тюки и мешки. Гоблины их уже обшарили, обнюхали, обобрали и даже успели передрасться за добычу.

Мне горько говорить, но гномам больше не суждено было увидеть своих чудесных маленьких пони. Сгинул и прекрасный белый крепыш, которого Элронд одолжил Гэндальфу, чья лошадь наверняка не смогла бы одолеть крутые горные

тропы. Гоблины вечно голодны и сжирают все подряд – и лошадей, и пони, и осликов. Но пленникам сейчас было не до пони. Им грозила та же участь. Гоблины сковали им руки за спиной, поставили в затылок друг другу и на длинной цепи поволокли в дальний конец пещеры. Последним, конечно, тащился малыш Бильбо.

В полумраке на большом плоском камне сидел громадина гоблин с большущей головой. Вокруг него стояли гоблины помельче с топорами и кривыми саблями наготове. Не секрет, что гоблины жестокие, злобные и вообще отвратительные существа. Ничего хорошего от них и ждать нельзя. Правда, если захотят, они не хуже некоторых гномов умеют копать подземные ходы и рыть шахты, но при этом всегда остаются неопрятными и грязными. Молоты, мечи, топоры, кинжалы, мотыги, клещи, даже орудия пытки они неплохо могут изготовить и сами, но нередко принуждают делать это пленников или рабов, которые работают неустанно, пока не сгинут в душных, мрачных подземельях. Подозреваю, что именно гоблины изобрели некоторые гибельные машины, с помощью которых можно враз уничтожить множество людей. Разные хитрые механизмы и взрывные устройства живо интересовали гоблинов, ибо вручную они никогда не желали работать. Однако в те давние времена, о которых идет речь, гоблины еще оставались дикими и необузданными существами. Они ненавидели всякого, кто честно работал и процветал, а гномы как раз и слыли любителями порядка и труда. Встречались, правда, и среди гномов ленивые и зловредные, не стеснявшиеся якшаться с гоблинами, но о них и говорить не стоит. Зато к гномам, подобным Торину, гоблины питали особую ненависть из-за войны, о которой мы упоминали прежде, но здесь толковать не будем. Впрочем, гоблинам все равно кого ловить. Главное – налететь, смять, схватить так, чтобы пленник и опомниться не успел.

– Кто эти жалкие козявки? – спросил Главный Гоблин.

– Гномы и этот, как его, – ответил один из гоблинов-погонял и так дернул цепь, что Бильбо шлепнулся на колени. – Они прятались в нашей передней пещере.

– Зачем вы туда забрались? – обратился Главный Гоблин к Торину. – Наверняка неспроста! Не удивлюсь, если шпионили или воровали! А то и того хуже – убийцы или пособники эльфов! Ну! Отвечай!

– Гном Торин к вашим услугам! – по привычке вежливо поклонился Торин. – Вы ошибаетесь, подозревая нас в неблаговидных намерениях. Мы просто укрылись от грозы в удобной и, как нам показалось, пустой пещере и вовсе не собирались тревожить гоблинов. Да и встреча с вами в наши планы не входила!

Это была чистейшая правда!

– Гм! – хмыкнул Главный Гоблин. – Вот как! А позвольте спросить, зачем вы шатаетесь в горах, откуда идете и куда направляетесь? Выкладывай начистоту! Это вряд ли вам поможет, потому что я и так немало знаю и о тебе, Торин Оукеншильд, и о твоём народце. И все же не таись, не то вам всем не поздоровится!

– Мы затеяли это путешествие, чтобы повидать наших родичей. Во-первых, племянников и племянниц. Во-вторых, кузенов и кузин. В-третьих, троюродных братцев и сестриц. В-четвертых и так далее, всех остальных потомков наших предков, что живут на Востоке, по ту сторону этих гостеприимных гор, – толковал Торин, одновременно прикидывая, как бы сказать нечто похожее на правду и не выболтать ничего лишнего.

– Он лжет! О, ваше ужасное величество! – воскликнул один из гоблинов-погонял. – Там, в пещере, некоторые из наших были убиты молнией, как только мы предложили этим непрошеным гостям следовать за нами. А вот это как он объяснит? – И гоблин показал меч Торина, добытый гномом из логовища троллей.

При виде этого меча Главный Гоблин издал вопль, в котором смешались ужас и злорадия, страх и гнев. Остальные гоблины подхватили этот вой зубным скрежетом, лязгом оружия, громким топотом. Они мгновенно почуяли, что это за меч. Ведь когда-то в далекие времена блистательные эльфы, защищая Гондолин, убили этим мечом сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрест – Сокрушающий Гоблинов, а гоблины звали попросту Секач. Они люто ненавидели его, но еще сильнее того, кто им владел.

– Убийцы гоблинов и друзья эльфов! – вскричал Главный Гоблин. – Рубите их! Рвите их! Кусайте их! Хлестайте их! Швырните в темную яму со змеями! Пусть никогда не увидят света белого! – Он так взъярился, что спрыгнул с камня и, оскалившись, кинулся на Торина.

В тот же миг задуло все факелы на стенах пещеры, а из костра взметнулся к потолку сноп огня и сизого дыма! Раскаленные искры стреляли во все стороны и осами впивались в тела гоблинов.

Что тут началось! Вой и визг, рыки и крики, руготня и беготня, невнятное бормотанье, невероятное топотанье, хрипы и всхлипы. Завывания сотен диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьем на медленном огне, не могли бы и сравниться с этой катавасией. Искры жгли гоблинов немилосердно. Дым, наполнивший пещеру, был таким густым, что даже гоблины не могли ничего разглядеть. Вскоре они уже, сцепившись, катались по полу пещеры и кусались, лягались, пинались, будто все разом сошли с ума.

Вдруг сверкнул светящийся клинок меча. Бильбо успел заметить, как он пронзил Главного Гоблина и тот рухнул замертво. Гоблины, спасаясь от смертельных ударов меча, с омерзительным пронзительным визгом исчезли во мраке.

Меч сам собой нырнул в ножны.

– Быстро за мной! – скомандовал уверенный, спокойный голос.

Бильбо так и не успел сообразить, что произошло. Все еще прикованный в хвосте цепи, он поскакал, увлекаемый во тьму коридоров передними беглецами. Вслед ему неслись затихающие стоны и вопли гоблинов. А впереди маячило серое пятно света.

– Быстрее! Быстрее! – подгонял их голос. – Сейчас факелы снова запылают.

– Минутку! – попросил Дори, позади которого мотался Бильбо. Неловко орудуя связанными руками, он подсадил хоббита себе на закорки и снова пустился

вперед. Под звон цепей, спотыкаясь и падая, гномы бежали, бежали и бежали. Они неслись под уклон и уже, наверное, достигли самой сердцевины горы.

Только теперь Гэндальф засветил наконечник своего посоха. Ну конечно же это был Гэндальф! Как ему такое удалось? Впрочем, сейчас было не до расспросов. А волшебник снова выхватил из ножен меч, и клинок опять ярко вспыхнул во мраке. Разя гоблинов, он пылал яростным огнем, а теперь испускал мягкое голубое свечение, будто успокоился после того, как уничтожил Главного Гоблина. Этому мечу ничего не стоило разрубить цепи, и вскоре гномы были свободны. Не забыли, как звался меч? Глемдлинг-Молотящий Врагов! Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели даже больше, чем Секач. А Гэндальф спас и этот меч. Ему удалось вырвать Оркрест у обезумевшего гоблина. Волшебник ничего не упускал и не забывал. Не все было ему подвластно, но друзей он никогда в беде не оставлял.

– Все здесь? – спросил он, с легким кивком вручая меч Торину. – Подсчитаем: Торин – раз. Два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... А где Фили и Кили? А, вот они! Двенадцать, тринадцать и... четырнадцатый, господин Бильбо! Хорошо! Могло быть и хуже, впрочем, могло быть и получше. Ведь мы остались без пони, без еды и понятия не имеем, где оказались. А следом гонится свора разъяренных гоблинов! Вперед!

И они устремились вперед. Гэндальф не ошибся: позади, в темных коридорах, которые они только что миновали, послышался топот и вой гоблинов. Гномы мчались со всех ног. Бедняга Бильбо такой прытью не обладал, и гномы взяли на себя по очереди.

Но гоблины бегают еще быстрее, чем гномы. Вдобавок они сами пробивали в горе все ходы и знали назубок каждый поворот. А бешеная ярость подстегивала их. И как ни старались гномы уйти от погони, крики и вой все близились и близились. Вскоре они уже слышали хриплое дыхание и топот множества ног так ясно, будто толпа гоблинов была совсем рядом, за поворотом. В туннеле позади них вспыхивали алые языки факелов, а бежать уже не было сил. Смертельная усталость валила с ног.

– Почему? Ну почему я покинул мою норку? – причитал несчастный Бильбо, подпрыгивая на спине Бомбура.

– Почему? Ну почему я потащил этого нелепого коротышку в поход за сокровищами? – кряхтел измученный толстяк Бомбур. Бедняга шатался под тяжестью хоббита, глаза ему заливал горячий пот, а по спине пробежал холодок страха.

В этот момент Гэндальф подался назад. Торин последовал за ним. Они свернули за угол.

– К бою! – гаркнул Гэндальф. – Меч из ножен, Торин!

Ничего другого не оставалось. Гоблины с воем выскочили им навстречу и остолбенели. Их ослепили сверкнувшие во мраке Сокрушающий Гоблинов и Молотящий Врагов. Передние выронили факелы и, проткнутые насквозь, успели еще испустить последний крик. Гоблины, бежавшие следом, завопили во всю глотку и стали отступать, сбивая других, набегавших из темноты.

– Секач и Колотун! – верещали они.

Гоблинов охватила паника, и, отшвыривая один другого, они устремились обратно.

Долго еще не осмеливались гоблины приблизиться к тому повороту. А гномы, не теряя времени, вновь бросились бежать. Они петляли по темным туннелям, все дальше проникая в мрачные владения гоблинов. Как только гоблины пронюхали это, то снова запалили свои факелы, надели мягкие сапоги и кинулись в погоню за беглецами, пустив вперед самых быстрых и самых зорких. И те скользили по извилистым темным переходам, подобно юрким ласкам, быстро и бесшумно, словно летучие мыши, летели от поворота к повороту.

Ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф не услышали их приближения. Зато гоблины прекрасно видели светящийся посох Гэндальфа. Волшебник освещал дорогу шедшим впереди. А позади всех плелся Дори, который в свою очередь тащил на себе Бильбо.

Внезапно его схватили за ногу. Дори вскрикнул и кувыркнулся на землю. Хоббит перелетел через гнома, ударился головой о камень, откатился в темноту и больше ничего не видел и не слышал.

Глава пятая

Загадки во тьме

Бильбо открыл глаза. Его окружала такая непроглядная тьма, что в первое мгновение он даже не понял, вправду ли глаза открыты или это ему только кажется. Рядом не было ни души. Неописуемый ужас охватил его! Он не слышал ни-че-го. Не видел ни-че-го. И ничего, кроме холодного каменного пола, не ощущал!

Медленно, очень медленно он приподнялся, потом встал на четвереньки и осторожно, очень осторожно пополз и почти сразу наткнулся на стену туннеля. Больше ничего не было. Ни единого намека на гоблинов или гномов. Голова кружилась. Бильбо никак не мог сообразить, в какую сторону они бежали перед тем, как он свалился. И хоббит по-прежнему на четвереньках пополз наугад. Так он полз, полз и полз. Внезапно рука его нащупала на каменном полу туннеля маленькое холодное металлическое колечко. Вскоре эта находка станет поворотом в его судьбе, резко изменит всю жизнь, но маленький хоббит о том даже и не догадывался. Он сунул колечко в карман и тут же забыл о пустяковой находке. Сейчас было не до нее. Но вместо того чтобы ползти дальше, Бильбо опустил на холодный пол и погрузился в горестные размышления. Он живо представил себе, как в своей кухоньке жарит яичницу с ветчиной. Давно уже во рту у него не было ни крошки, и это приводило хоббита в отчаяние.

Что делать дальше, он не представлял. Не понимал, что вообще произошло. Почему все его бросили? И почему в таком случае не подобрали его гоблины? И

отчего так болит голова? Ответ-то был прост: он закатился в темный угол и лежал там тихонько ни жив ни... нет, к счастью, не мертв.

Придя понемногу в себя, Бильбо нашарил в кармане курительную трубку. Она не расколосась, и это уже было приятно. В кисете оказалась толика табаку. Совсем хорошо! Хоббит поискал спички. Ни одной! И снова все стало плохо-плохо. Но, подумав, он решил, что не совсем это плохо. Еще неизвестно, какое чудовище могло выскочить из мрака на вспышку спички и запах табачного дыма. Продолжая исследовать карманы и охлопывая себя, Бильбо неожиданно наткнулся на рукоять заткнутого за пояс кинжала. Он его нашел в пещере троллей да с тех пор так и не трогал. Хорошо, что и гоблины не заметили.

Бильбо вытащил кинжал из ножен. Клинок слабо засветился в темноте. «Выходит, его тоже выковали эльфы, – подумал хоббит. – А свечение означает, что гоблины хоть и не близко, но и не так далеко».

С кинжалом стало чуть спокойнее. Здорово иметь при себе клинок времен войны Гондолина против гоблинов, о которой сложены легенды. И он вспомнил, как тряслись гоблины, увидев оружие эльфов.

– Куда идти? – размышлял между тем Бильбо. – Назад? Глупо. Вбок? Не получится. Тогда вперед? Решено – вперед!

Он встал и, держась одной рукой за стену, а в другой зажав кинжал, двинулся по туннелю. «Так-тук» – настороженно стучало сердце. И неспроста. Положение Бильбо было не из легких.

Но все же хоббиту в такой переделке намного легче, чем, к примеру, было бы нам с вами. Хоббиты и не похожи на нас, и живут в норках, ухоженных, чистых, опрятных, не то что гадкие пещеры гоблинов. Но все же это норки, и хоббитам привычны подземные ходы и туннели. Они не заблудятся даже после того, как здорово грохнутся головой о камень. Хоббиты быстро приходят в себя после любых ушибов. Ступают они бесшумно и умеют ловко прятаться. А для поднятия духа у них про запас всегда найдется острое словечко, веселая приговорка или мудрая пословица. Жаль, что до нас они не дошли.

И все же напомним: положение Бильбо Бэггинса было незавидным. Туннель, казалось, никогда не кончится. Иногда он разветвлялся. Слабый свет

эльфийского клинка не мог проникнуть в самую глубину боковых ходов, и Бильбо спешил миновать их, опасаясь, что там как раз и притаились гоблины или другие подземные твари. Он шел и шел, стремясь вперед и только вперед, спускаясь все ниже и ниже. Мертвая тишина нарушалась лишь шорохом крыльев летучих мышей, пронесившихся над самой головой. Поначалу Бильбо пугался их, но вскоре привык и не обращал внимания. Трудно сказать, как долго брел он, не позволяя себе остановиться даже на секунду и чуть не падая от усталости. Но ему казалось, что давно уже наступило завтра, а топтать предстоит еще много-много дней, чуть ли не до конца дней своих.

И вдруг, не успев и ахнуть, он бултыхнулся в воду! Ух! Ледяная вода обожгла и быстро привела его в чувство. Замерев, Бильбо принялся соображать, куда он угодил. Просто в яму, заполненную водой? В бурлящий поток, пересекающий туннель? Или в таинственное подземное озеро? Клинок потускнел и перестал светиться. Бильбо весь обратился в слух. Кап-кап-кап... Никаких звуков, кроме падающих откуда-то сверху тяжелых капель.

«Выходит, это не поток и не река. Глубокая лужа или озеро», – решил Бильбо. Но двигаться дальше он опасался.

Плавать хоббит не умел и жутко боялся наткнуться на какую-нибудь скользкую, бесцветную тварь с выпученными слепыми глазами. А в подземных водах и впрямь водятся странные и страшные создания. Рыбы, чьи предки в незапамятные времена попали в эти воды да так и не выплыли на белый свет. Глаза их все выпучивались и выпучивались, силясь поймать хоть крупинку света в непроглядной тьме. Обитали там и совсем ужасные существа, которые облюбовали эти пещеры, коридоры, туннели и переходы еще раньше гоблинов. Они таились в трещинах, расселинах, за каждым поворотом и, жадно принюхиваясь, терпеливо поджидали жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-tolkien/hobbit-ili-tuda-i-obratno>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)